

Права человека — XXI век

Материалы дискуссий российских правозащитников,
экспертов и ученых в 2019 году

Москва
2019

Права человека — XXI век

Материалы дискуссий
российских правозащитников,
экспертов и ученых в 2019 году

Москва

2019

Издание

Коалиции в поддержку правозащитников

<https://hrdco.org/>

Права человека — XXI век

Материалы дискуссий
российских правозащитников,
экспертов и ученых в 2019 году

Составитель: **Сергей Кривенко**

Дизайн и верстка: Татьяна Лазарева

Публикация данного издания осуществляется Коалицией в поддержку правозащитников при поддержке Европейского Союза.

Мнения и позиции, высказанные в данном издании, являются мнениями авторов данного издания и могут не отражать официальной позиции и точки зрения других организаций или структур.

Материалы настоящего издания доступны по лицензии CC BY-SY 4.0 — свободного распространения текста с условием указания авторства.

Оглавление

Права человека как предмет обсуждения Александр Сунгуров.....	5
Краткое изложение дискуссии, состоявшейся 9 апреля 2019 г. в Москве в рамках первого заседания семинара «Права человека – XXI век».....	17
Тезисы о «правозащитном фундаментализме» Александр Верховский.....	23
Заметки о правозащитном фундаментализме Лада Бурдачёва.....	31
О правах человека – вернуться к истокам и задуматься... Валентин Гефтер.....	33
О границе узнаваемости правозащитников Игорь Сажин.....	37
Кто (кроме приговорённых к смертной казни) имеет право на жизнь? Лев Левинсон.....	41

Концепция прав человека и российское правозащитное сообщество в XXI веке Александр Сунгуров.....	57
Краткие тезисы дискуссии, состоявшейся 1 июля 2019 г. в Москве в рамках второго заседания семинара «Права человека – XXI век».....	71
Краткие тезисы круглого стола «Права человека и дисбаланс взаимной ответственности».....	107
Авторы и участники дискуссий.....	121

Права человека как предмет обсуждения

(вместо введения)

Александр Сунгуров

Представляемый читателю сборник является попыткой сделать предметом обсуждения не ситуации нарушения прав человека со стороны тех или иных государственных структур, не деятельность самих правозащитных организаций или проблемы современного российского правозащитного сообщества, а саму концепцию прав человека с учётом реалий конца второго десятилетия XXI века. Эта попытка ничуть не умаляет значения всех перечисленных выше тем, которые постоянно находятся в центре внимания большинства практикующих правозащитников. Просто наряду с ними, на наш взгляд, настало время обсудить сами представления о правах человека. Подобная попытка уже предпринималась почти пятнадцать лет тому назад в рамках проекта «Будущее прав человека в России», реализованного Пермской гражданской палатой и включавшего целый ряд дискуссий в рамках экспертных групп, собиравшихся в основном в Перми. Однако фокус внимания его участников всё же вольно или невольно концентрировался на правозащитном движении как таковом и в итоге, на наш взгляд, его правильное название было бы лучше сформулировать как «Будущее российского правозащитного сообщества». Собственно концепции прав человека в итоговом сборнике проекта были посвящены в основном тексты главного инициатора проекта – И.В. Аверкиева.

Второй попыткой обсуждения современных проблем концепции прав человека стала подготовка и публикация кол-

лективной монографии «Права человека перед вызовами XXI века», осуществлённая силами Исследовательского комитета по правам человека Российской ассоциации политической науки (РАПН) в 2010-2012 годах. В процессе её подготовки были организованы и проведены несколько научных конференций в Москве и Санкт-Петербурге. В мае 2010 и апреле 2011 года в МГИМО-У были проведены две специальные двухдневные конференции, на которых выступали авторы основных разделов этой книги. Если инициаторами и основными участниками Пермского проекта были члены самого правозащитного сообщества при участии нескольких представителей академического сообщества, то в подготовке коллективной монографии под эгидой РАПН участвовали в основном специалисты в области политологии, права и социологии, при приглашении отдельных правозащитников. К сожалению, эта книга вышла небольшим тиражом, остатки которого сгорели в пожаре в ИНИОН РАН в январе 2015 года. Однако рукописи, как известно не горят, и текст этой книги размещён на сайте Межрегионального центра «СТРАТЕГИЯ» и доступен для скачивания.

Прошло ещё семь лет, и весной 2019 года в рамках работы Сообщества российских правозащитных организаций «Коалиция в поддержку правозащитников» начал свою работу постоянный семинар «Права человека – XXI век». Инициаторами семинара были Сергей Кривенко, член правления Международного общества «Мемориал»; Александр Сунгуров, президент Межрегионального центра «СТРАТЕГИЯ» и Андрей Юров, руководитель Международной школы Прав Человека и гражданских действий.

Потенциальным участникам семинара, среди которых были и лидеры российских правозащитных организаций, и представители академической науки, было разослана краткая концепция семинара, в которой были и такие строки: «Сложные, постоянно меняющиеся реалии XXI века требуют, на наш взгляд, постоянной рефлексии концепции прав человека, анализа возникающих сегодня проблем и вызовов этой концепции, пред-

ложений и обсуждений по её творческому развитию. Участники семинара – представители академического сообщества и правозащитники-практики, считая концепцию универсальности прав человека важным достижением человеческой мысли и развитием лучших традиций либерализма, в то же время не относятся к ней, как к застывшему догматическому учению. Именно поэтому они решили сообща обсуждать актуальные проблемы концепции универсальности прав человека и вызовы этой концепции, возникающие в XXI веке».

В приглашении к участию в семинаре был такой, далеко не полный, список проблем.

- Устарела ли концепция трёх поколения прав человека после принятия Резолюции Совещания по правам человека 1993 года в Вене, в которой было сказано, что все права человека едины, равнозначны и неделимы?
- Стоит ли вообще говорить о коллективных правах человека?
- Когда начинается и когда заканчивается самое очевидное право человека – право на жизнь?
- Как соотносятся принцип универсальности прав человека с концепцией мультикультурализма?
- Надо ли учитывать культурные традиции людей, принадлежащих к разным цивилизациям?
- Насколько глубоко в прошлое стоит распространять современное понимание нарушений прав человека?
- Как вести диалоги о правах человека с представителями различных религий и идеологий?
- Как защищать права человека, если государство отказывается от своих обязательств по их соблюдению?
- Права человека – это способ мышления об идеальном будущем или это необходимые условия развития общества?

Для участия в семинаре собрались около пятнадцати человек из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Ростова-на-Дону и Сыктывкара. В рамках первого семинара были сформулированы основные темы и проблемы, которые стоит обсудить на следующих встречах семинара. Было решено проводить обсуждение в режиме «Чаттэм Хаус», по названию современной английской «фабрики мысли». Это режим предполагает, что все участники встречи могут ссылаться на высказанные в ходе обсуждения мысли и предложения, но без упоминания их авторов. Поэтому краткие результаты встречи 9 апреля, представлены в этом сборнике без упоминания их авторов.

Второе заседание семинара состоялось 1 июля 2019 года также в Москве. Расшифровка тезисов дискуссии семинара 1 июля представлена в этом сборнике.

Завершает сборник достаточно подробный аналитический отчёт о ходе Круглого стола «Права человека и дисбаланс взаимной ответственности», который прошел под руководством Г.Л. Тульчинского в рамках 8-й международной научной конференции «Октябрьские чтения-2019. Концепция прав человека в современном мире: теоретические основы и практики применения» (Санкт-Петербург, 17-19.10.2019).

Участниками этой конференции были как академические ученые, так и общественные правозащитники, а также бывшие и настоящие Уполномоченные по правам человека – как в РФ (В.П. Лукин), так и на уровне субъектов РФ (Л.Д. Бойченко, Т.И. Марголина, Т.Г. Мерзлякова и А.В. Шишлов), поэтому, собственно говоря, все три дня конференции были посвящены современному осмыслению концепции универсальных прав человека, то есть вся конференция была развитием концепции двух семинаров в Москве, о которых сказано выше. Но для этого сборника мы выбрали только материалы упомянутого выше круглого стола, обсуждение на котором касалось наиболее острых проблем, связанных с современным пониманием концепции прав человека.

Представив читателю контекст обсуждений на двух семинарах и круглом столе 2019 года, равно как и авторских текстов, обратимся теперь к основным проблемам понимания прав человека, вокруг которых шли основные дискуссии.

На мой взгляд, наиболее острые дискуссии развернулись вокруг наличия трёх (или более?) поколений прав человека, о том, какие из них следует считать подлинными, фундаментальными правами, и как относиться к другим поколениям прав. Интересно отметить, что никто из участников всех упомянутых здесь дискуссий и никто из авторов представленных здесь текстов не занял позицию *«холистского»* подхода к правам человека, в соответствии с которым само разделение прав человека на поколения – это реликт «холодной войны». Эта позиция основывается на пункте 5 Декларации Всемирной конференции по правам человека в Вене в 1993 г., который гласит: «Все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны. Международное сообщество должно относиться к правам человека глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием». Такая позиция весьма популярна сегодня среди известных европейских специалистов по правам человека. Среди участников же наших семинаров она не нашла поддержки.

Напротив, в ходе наших дискуссий была чётко высказана позиция *«правозащитного фундаментализма»*, аргументы в пользу которой были сформулированы в «Тезисах о правозащитном фундаментализме» Александра Верховского, представленных в настоящем сборнике. Я очень рад, что наш семинар и дискуссии на нём дали возможность (или повод) автору столь чётко сформулировать свою позицию, отделив наиболее ценные для него фундаментальные права человека (то есть права первого поколения) от скорее тех или иных интересов отдельных социальных групп или слоёв – социально-экономических прав или прав второго поколения. Второе разделение, предложенное автором, – это различие фундаментальных прав человека и различного вида «политик идентичности», «зачастую раскалывающих и даже

подрывающих либеральные (и не только) политические нации и само либеральное устройство общества (где оно есть) с использованием именно словаря прав человека». Исходя из такой позиции, Александр Верховский вполне обоснованно считает, что «групповые права человека — это оксюморон».

Сформулированная позиция «правозащитного фундаментализма» получила поддержку у многих участников дискуссии. Так, среди авторов текстов этого сборника она была поддержана Ладой Бурдачёвой, которая рассказала об опыте Международной школы прав человека и гражданских действий, где учат прежде всего именно фундаментальным правам и свободам. Перечень же таких прав и свобод преподаватели этой школы получают из пересечения таких трёх основных документов, как Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Пакт о гражданских и политических правах ООН 1966 года и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1949 года.

Исполнительный директор Института прав человека Валентин Гефтер, поддерживая в целом подход Александра Верховского, предложил называть эти основные, фундаментальные права человека антропными правам. Позже, в ходе своего выступления в Санкт-Петербурге, на Восьмых Октябрьских чтениях, посвящённых правам человека, он пояснил, что использует термин «антропные права человека», исходя из антропного принципа строения Вселенной, который, как известно, гласит, что все численные величины всех мировых физических констант именно такие, чтобы обеспечить появление на нашей планете жизни — стоит чуть изменить эти численные значения, то, например, воды, в которой зародилась жизнь, могло бы не возникнуть. На мой взгляд, Валентин Гефтер уже много лет старается обнаружить некое объективное обоснование существования самих прав человека, не соглашаясь с тем, что концепция права человека, как и все другие концепции общественных наук, является социальным конструктом.

Наиболее принципиальным оппонентом концепции «правозащитного фундаментализма» и в ходе обсуждений на семинарах, и в представленном в этом сборнике тексте, явился

Лев Левинсон, который полемически озаглавил свой текст так: «Кто (кроме приговоренных к смертной казни) имеет право на жизнь?». Исходя из достаточно бесспорного тезиса о первичности такого права человека, как право на жизнь, он пишет: «Право на жизнь — как древо жизни, состоящее из трёх ветвей. И первая — это **право на достойную жизнь, на хлеб и кров**. Вторая — отказ от войны, от права государства принуждать своих граждан убивать граждан другого государства и умирать во имя чего бы то ни было. Третья — это запрет смертной казни».

И далее, исходя из этой логики, он достаточно аргументированно указывает, что это именно право на достойную жизнь, включающее и право на хлеб и кров. Существенная часть его текста посвящена необходимости отказа от войн, иначе говоря, принципами пацифизма, о котором другие участники дискуссий почти не упоминали.

Позицию Льва Левинсона поддерживают и другие участники дискуссии. В частности, если использовать метафору Валентина Гефтера о правах голого человека, то встаёт вопрос, кто их защищает, и вообще, кто-нибудь их защищает? Иногда сам человек их не осознаёт, а если защищает, то только потому, что хочет выжить. И у этого голого человека, несомненно, есть право на собственность, потому что шкура ему нужна, иначе он просто замерзнет.

Участники обсуждения отмечают, что разность в понимании проблем простыми людьми и экспертами в том, что эксперты видят первопричину несправедливости, а обычные люди — лишь последствия. Есть и такая точка зрения, что второе поколение прав человека возникло потому, что первое не было понято народом. И второе поколение — это типа мостика к простым людям, как им вообще объяснить концепцию прав человека. Так что фундаментализм — это хорошо, но надо понимать, как говорить с людьми на их языке. И далее, уже другой участник считает, что правозащитники скоро окажутся маргиналами, если будут защищать только индивидуальные права, которые мало кого сейчас интересуют.

Но и позиция *«правозащитного фундаментализма»* также находила поддержку участников обеих встреч. Так, например, звучали такие фразы: «Но как государство может обеспечить право на жилище, если есть другое право – на свободу передвижения? Тут либо свобода передвижения, либо казарма, в которой каждому будет обеспечено право на жилище. Если право на жилище означает запрет изъятия жилища, то это определяется через многие другие права».

По словам другого участника, бесконечное расширение прав выхолащивает саму идею защиты прав человека. Он считает, что «надо определиться: вот такие права – это права настоящие. Это мы можем защищать, и мы должны на этом сосредоточиться».

Ряд участников встречи, соглашаясь в основном с аргументами позиции *«правозащитного фундаментализма»*, всё же считали необходимым отнести к фундаментальным правам такое право, **как право на образование** как условие формирования действительно независимого и ответственного человека. Отдельно поднимался также вопрос **о цифровых правах**, об особенностях и проблемах соблюдения прав человека в современном компьютеризованном мире.

Разделение прав человека на поколения и аргументация за приоритет той или иной группы прав были не единственным возможным основанием для классификации обсуждаемых прав. Так, Игорь Сажин в своём тексте предлагает при принятии решения о том, есть ли факт нарушения прав человека и, соответственно, необходимость вмешательства правозащитников, исходить из такого условия, как безысходность положения тех целевых групп, которым предоставляется помощь в рамках деятельности. Он считает, что если степень безысходности очень высокая, то можно считать действие правозащитным, если нет, то надо смотреть на другие принципы. Он также подчёркивает, что высокий уровень безысходности целевой группы, требующей поддержки, определяется высокой степенью зависимости целевой группы от тех, чьи действия привели к несправедливости.

Ещё одна актуальная проблема, которую поднимали в ходе дискуссий участники — это **«огосударствление прав человека»**. Так, они отмечали, что сегодняшняя концепция прав человека — это порождение государств. Государства договорились между собой и следят друг за другом, не нарушают ли, но следят-то не за собой! В результате права человека становятся инструментом политики, возникает демагогия (эти нарушают, эти нет). И правозащитники, играя на поле государств, по их правилам, просят хорошие государства наказать плохие и т.п., а в итоге реализуется «реал политик». Поэтому нужна приватизация прав человека, отъём этой концепции у государства и передача гражданам, то есть должен быть реальный контроль граждан за действиями государства.

Есть и ещё одно следствие огосударствления прав человека. Поскольку ни одно государство не признаёт нарушений прав человека у себя дома, то правозащитники внутри государства — это пятая колонна, так как они критикуют государство, и это используют другие государства. Это следствие огосударствления прав человека, и преодолеть его можно их приватизацией или, как говорили участники дискуссий, их разгосударствлением. Есть и ещё один аргумент в пользу такого разгосударствления — это вопрос о том, только ли государство может стать причиной нарушения прав человека? Отметим, что ещё недавно ответ у большинства правозащитников был жёстко положительным. Однако сегодня ситуация меняется, и, например, если сравнивать власть Луганской народной республики и власть дирекции «Фэйсбука», то и те, и другие обладают огромной властью, но совершенно разной, и касаются совершенно разных прав и в разных степенях. И стоит согласиться с позицией участника дискуссии, что это такая огромная тема, к которой надо с большой осторожностью подступаться.

Как уже упоминалось, завершает наш сборник аналитический отчёт об обсуждениях, состоявшихся на Круглом столе «Права человека и дисбаланс взаимной ответственности» в рамках 8-й международной научной конференции «Октябрь-

ские чтения-2019. Участниками этого круглого стола, в отличие от встреч в Москве, были преимущественно учёные – политики, философы, историки, с наличием среди них общественных и государственных правозащитников.

Одним из центральных вопросов, обсуждавшихся в ходе этой встречи, стала проблема существенного сужения права на приватность, сохранения собственного непубличного пространства у большинства людей в эпоху цифровизации и доступность информации о человеке и его поведении как для частных компаний, так и для государства. Имущественное неравенство при этом позволяет более богатым людям обеспечивать для себя «пузыри непрозрачности», что усугубляет проблему неравенства. И здесь также стирается грань между государством и частными компаниями, что опять-таки ставит в повестку дня вопрос о том, только ли государство может нарушать права человека – вопрос, который поднимался и в ходе обсуждений в Москве.

Другая проблема, которая как раз не звучала в обсуждениях в апреле и июле, – это проблема взаимных обид и претензий отдельных лиц, групп, а то и народов. Как отмечает профессор Г.Л. Тульчинский, ярким примером рессентимента является волна обличений в харассменте, поднятая в 2017 году некоторыми голливудскими актрисами и перекинувшаяся в корпоративные офисы, за год захлестнувшая западное общество. В ходе обсуждений упоминались и случаи претензий родителям со стороны их первенцев, заявляющих, что рождение ещё одного ребёнка без их согласия нарушает их права, и чтобы родители на их помощь «в этом проекте» не рассчитывали.

Профессор Г.Л. Тульчинский считает, что эти примеры – следствия непродуманной гипертрофированной пропаганды прав человека без учёта роли и значения ответственности, что и стимулирует рессентимент, эгоцентризм, конфликты и агрессию.

Ещё одной темой обсуждений на этом круглом столе стала также тема непродуманного развития института Уполномоченных по правам человека: появились уполномоченные

по правам бизнеса, уполномоченные по правам детей, уполномоченные по правам студентов. На очереди уполномоченные по правам женщин. То есть вместо того, чтобы улучшать деятельность исполнительной власти, создаются институты для канализации жалоб без реальных возможностей устранять причины нарушения права.

Историк и журналист, преподаватель СПбГУ Д.А. Коцюбинский видит проблему в том, что фактически законными монополистами в этой сфере являются т.н. национальные государства, т.е. государства — члены ООН. Отметим, что проблему огосударствления прав человека отмечали и участники дискуссий двух московских семинаров. Д.А. Коцюбинский считает, что необходимо принятие декларации прав конкретных региональных сообществ, проживающих на той или иной территории и обладающих культурно-политической гомогенностью, или прав регионов.

В этом кратком обзоре материалов настоящего сборника не нашли отражения многие иные аспекты дискуссий, поэтому мы приглашаем к чтению самих материалов. Ряд важных для автора этого текста вопросов и проблем развития концепции прав человека, включая и проблемы, связанные с концепцией правосудия переходного периода (Transitional Justice) отражены в моей недавно опубликованной статье в Вестнике Пермского университета. Одним из возможных направлений развития концепции прав человека могло бы быть включение этой концепции в состав более широкого предметного поля — политологии права, развитию которого посвящена наша статья в журнале «Общественные науки и современность».

Мы надеемся, что публикация этого сборника станет важным шагом к обсуждению реальных проблем концепции прав человека, участниками которого станут как российские правозащитники, представители зарождающегося гражданского общества, так и учёные — политологи, юристы, социологи, философы, размышляющие над феноменом прав человека и изучающими институты их защиты, а также российские уполномоченные по правам человека и сотрудники их аппаратов.

Краткое изложение дискуссии, состоявшейся 9 апреля 2019 г. в Москве в рамках первого заседания семинара «Права человека – XXI век»

Тезис, который озвучивает Александр Пятигорский в работе «Размышляя о политике»: основные политические категории – абсолютная власть, абсолютное государство, абсолютная революция и абсолютная война – исчерпали себя уже несколько десятилетий назад. Мир входит в новую фазу политической рефлексии, которая отмечена иными смыслами. Вопрос к участникам: что надо сделать, чтобы в центре нового мира было «право» и Права Человека?

Люди связывают Права Человека с Правом, думая, что возникнет абсолютная справедливость. И в головах людей Права Человека – это справедливость, и все хотят абсолютной справедливости. Концепция Права Человека – «человек – это всегда человек», и это не может принять Право, т.к. Право делит людей на категории (например, преступники и т.п.). Конструкция «человек всегда человек» – на практике не работает, т.к. все начинают делить людей на категории, но при этом считают, что они за Права Человека. Итог – система Прав Человека – это непрерывный ответ на вызовы. Мы должны всё время обновлять систему Прав Человека: отказ от любой сакрализации, как со знаком минус, так и со знаком плюс. Мы должны опираться на присутствие человека в каждом человеке.

Сегодняшняя концепция Прав Человека – это порождение государств. Государства договорились между собой и следят друг за другом, не нарушают ли они права человека, но не за собой! Таким образом, Права Человека становятся инструментом политики, возникает демагогия (эти нарушают, эти нет). И правозащитники, играя на поле государств, по их правилам, просят хорошие государства наказать плохие и т.п., а отсюда идёт «риал политик». Нужны приватизация Прав Человека, отъём этой концепции у государства и передача гражданам, т. е. должен быть контроль граждан за действиями государства.

Что делать, если гос-во не защищает Права Человека? Ответ – обращение к людям. Но что надо сделать, чтобы люди реагировали и требовали от правительств выполнения своих обязательств?

Все международные организации переживают кризис, и интересна роль правозащитников в этом всём. В правозащитной идее заложена идея универсалистская, хотя нас и пытаются делить по разным признакам. Она была в установках отцов-основателей международных институтов, однако выветрилась, т.к. реализовывали её дипломаты и политики. А идея Прав Человека – общечеловечность. И реализацию Прав Человека нельзя отдавать на откуп политикам, т.к. они ставят национальные интересы выше общечеловеческих. Мир очень разделён, и сложно говорить о Правах Человека там, где людей забивают камнями, в архаичных обществах. С другой стороны, есть вызовы современного общества, клонирование, например, цифровой мир и т.п., а это другие вызовы.

Концепция системы ООНовских Прав Человека уже изжила себя, но это не беда, т.к. есть другие конвенционные механизмы, которые позволяют сообществам выживать, жить сообща.

Где начинаются и заканчиваются границы Прав человека, в т.ч. в Праве? Есть ли гражданское общество, есть ли платформы для

обсуждения? И если отнимать Права Человека у государства, то кто готов их принять? Нужно ли это народу? Сами правозащитники часто реакционны, если это не их узкая тема.

Проблема ещё и в разном понимании Прав Человека разными людьми. Многие вообще не понимают ничего про Права Человека. И вопрос в том, как совместить теорию Прав Человека с жизнью народа, учитывая при этом заявления государства о том, что национальные интересы важнее Прав Человека, и агрессию с экранов ТВ. Значение конкретного права ещё зависит и от контекста (например, право на жизнь во время войны, в мирное время, во время диктатуры...).

Несоблюдение базовых Прав Человека ведёт к войне, и нужно бить в колокола по этому поводу!

Стоит выделить людей, для которых понимание Прав Человека идёт в рамках понимания прав первого поколения, всё остальное — это политика, отстаивание групповых интересов и т.п. А те, кто отстаивает Права Человека первого поколения, отстаивают именно эти ценности. С Правами Человека произошло то же, что и с демократией: мало кто против Прав Человека, просто каждый вкладывает в это понятие свой смысл. Надо отмежеваться от тех людей, которые занимаются Правами Человека в концепции политики идентичности (права ЛГБТ, этнические и т.п.). Это фундаментальная позиция: важно сказать о том, что нет такого понятия, как групповые права. Важно определять себя честно, и, если ты представитель группы и защищаешь права группы, то определяй себя как представителя этой активистской группы.

С другой стороны, фундаментализм — это конечно хорошо, но подход к Правам Человека всё время меняется (например, совсем недавно в ситуации, когда человек умер от того, что вовремя приехала скорая помощь, не видели и не признавали нарушения права на жизнь, а сейчас такая ситуация может рассматриваться с подобной точки зрения).

При этом нужно отметить, что все активистские группы находятся в менее привилегированном положении, чем правозащитники, и примыкают к правозащите, чтобы получить те же привилегии, что и правозащитники.

Так как ни одно государство не признаёт нарушений Прав Человека, правозащитники внутри государства – это пятая колонна, поскольку они критикуют государство, и это используют другие государства. Это следствие огосударствления Прав Человека, и преодолеть это можно, приватизировав Права Человека.

Разность в понимании ситуации простыми людьми и экспертами в том, что эксперты видят первопричину проблем, а люди – последствия. Второе поколение Прав Человека возникло потому, что первое не было понято народом. И второе поколение – это своего рода мостик к простым людям, способ объяснить концепцию Прав Человека. Так что фундаментализм – это хорошо, но надо понимать, как говорить с людьми на их языке.

Что делать если государство не защищает Права Человека? Самим защищать свои права. А что, если люди не хотят ничего делать, а ждут, когда правозащитники всё сделают за них? Как сделать так, чтобы идея завладела массами? Ответ: важно говорить на другом языке, т.к. не всем ясна позиция естественных Прав Человека (что все равны от рождения). Сложно объяснить Права Человека в аудитории не европейцев, здесь не работают наши аргументы. Нужно найти какие-то базовые вещи, которые понятны всем. И всё равно вопрос сводится к социальной повестке, т.к. если не говорить с людьми о социальных правах, то им не объяснить и права первого поколения. Правозащитники многое упустили из-за того, что не говорили с людьми о социальных правах (а люди этого ждут). Если мы не будем говорить про социальные права, про это будет говорить кто-то другой, но не факт, что так, как мы этого хотим.

Проблема заключается в том, что Права Человека — это следствие войны, а люди перестали бояться ужасов войны (войны сейчас локальные, и люди привыкли к этому). Война всегда где-то есть рядом (но не здесь!).

Правильный язык о Правах Человека найти не так сложно. Права Человека — это всё-таки не что-то из области морали, они закреплены в Праве. Ряд механизмов по защите Прав Человека установлен на национальных уровнях. Государствам удобно говорить про Права Человека, в частности, про социальные, но связывать себя обязательствами при этом не хочется, из-за чего некоторые государства и не ратифицируют конвенции.

Система Прав Человека проиграла тогда, когда утратила дух сопротивления и превратились в язык политиков и дипломатов. В связи с этим нам близки активистские группы, т.к. в них есть дух сопротивления. Дух сопротивления — это сопротивление несправедливости. Групповые права возникают из желания заявить о том, что эти группы — тоже люди и не хотят мириться с устоявшимся положением вещей.

Но, с другой стороны, Права Человека и идея баррикады — это что-то не то. Нужно говорить всё-таки про сотрудничество, а не про противостояние. Идея, что люди ничего не знают, ошибочна. Нужно просвещать, но не держать людей за дураков.

Права Человека — это не про справедливость, это культура, и это культура будущего. Это культура ответа. Права Человека — это не механизм с мгновенным эффектом, это надолго. И каждое поколение вставляет свою конструкцию (так появляются групповые Права Человека). Права Человека — это не про борьбу хороших с плохими, а про то, что каждый человек — это человек. Уже достижение, если поколение не преклоняется перед «спасителями мира» и не линчуют «злодеев»!

Уровень чувствительности меняется, и это тоже меняет повестку Прав Человека (например, когда всё что угодно понимают под насилием, харрасментом, буллингом и т.п.). Пример того, что людям трудно воспринять всечеловечность Прав Человека, — это дискуссия о палачах и жертвах, которую спровоцировал Мемориал осенью 2018 года.

Универсальность Прав Человека и суверенитет — отдельная проблема, которую надо обсуждать. Проблема европейцев в том, что они обращаются к россиянам, будто они уже в XXI веке, а на самом деле РФ только вернулась в начало XX века.

Тезисы о «правозащитном фундаментализме»

Александр Верховский

Эти заметки не претендуют на теоретическую глубину и отражают исключительно мои личные размышления над тем, чем занимаются правозащитники — насколько я вообще об этом знаю, — в России и в мире.

Должен сделать сразу несколько оговорок, чтобы исключить, если это возможно, наиболее ожидаемые неверные интерпретации этих заметок:

- Это не программа действий. Человек, выдвигающий программу, должен собираться её реализовывать, иначе это не программа. Я лично не вижу себя в такой роли, поэтому и называю этот текст заметками.
- Слово «правозащитник» явно не имеет общепринятого значения. Попытки установить какое-то значение как нормативное, предпринимались не раз и будут ещё предприниматься. Это очень важно, но здесь я не собираюсь участвовать в терминологических дискуссиях и буду использовать это слово как обозначение любого человека, который сам себя готов так идентифицировать частично или полностью. Соответственно, «правозащитное движение» как совокупность таких людей не обладает свойствами движения, то есть никуда совокупно не движется, но тем не менее может претерпевать разнонаправленные метаморфозы.

- Правозащитники, если говорить статистически, чаще всего настроены на помощь конкретным людям или группам людей, для них часто характерно представление о том, что «человек превыше всего», но эти свойства не являются определяющими. Вернее будет сказать, что правозащитники хотят помогать отдельным людям, группам или всему человечеству именно с помощью концепции(ий) прав человека, то есть мы имеем дело с людьми идейно мотивированными. Неважно, считают они сами «права человека» какой-то идеологией, производной какой-то идеологии или ещё чем-то в этом роде. Лично я, таким образом, вижу правозащитников как совокупность людей, идейно связывающих свою деятельность с той или иной концепцией прав человека.
- Правозащитники могут быть политически мотивированы (на смену власти и/или на изменение конституционного строя страны) и даже могут совмещать правозащитную деятельность с политической в самом узком смысле (состоять в партиях, вести предвыборную борьбу), но всё же обычно можно говорить именно о совмещении функций, а не о действительном синтезе. То есть я стремлюсь хотя бы принципиально различать политическую и правозащитную деятельность.

Может ли у такой совокупности людей быть единое понимание чего бы то ни было, включая термин «права человека»? Нет, не может, и мы это хорошо видим. Следовательно, любые предложения, адресованные этой совокупности людей, никогда не могут быть восприняты всеми, так что можно и нужно говорить не о том, «что делать правозащитному движению» в масштабе страны, континента или мира, а куда стоит предложить повернуть или приложить усилия какому-то подмножеству правозащитников. Тому, которому покажутся интересными соображения предлагающего.

Вот из такой задачи я здесь и исхожу. И теперь могу перейти к краткой формулировке своих исходных принципов и к сути

моих пожеланий в адрес той части правозащитников, которые могут ими заинтересоваться.

Права человека — часть либерализующей программы модернизации общества. По мере достижения основных результатов — избавления от социальных структур «старого режима» и избавления от диктатур (особенно тоталитарных) современного времени — возникает ощущение, что основные исходные задачи либерализации общества выполнены. Соответственно, в этот момент понятие «права человека», будучи инструментом общественной полемики и борьбы, начинает расширяться, обозначая некие новые горизонты. Возникают новые «поколения прав», защитники прав начинают специализироваться, и разные правозащитные секторы даже вступают в конфронтацию (например, защитники свободы слова и борцы с дискриминацией). Здесь я опускаю возникающие по этому поводу исторические соображения о том, как возникали и продвигались права разных «поколений», но нельзя не заметить, что к сегодняшнему дню «права человека» — это столь же общепринятый, а то и ещё более популярный, политический бренд или риторический инструмент, как и «демократия». С одной стороны, хорошо, что принципиальных и открытых противников демократии и прав человека осталось так мало. С другой стороны, такая победа означает, что сами эти термины перестали значить что-то политически, идейно или вообще хоть как-то определённое и по-настоящему не могут более выполнять почти ни для кого основную социальную функцию такого рода терминов — различать «правильное» и «неправильное». Просто люди пока это не очень замечают.

Поэтому вполне уже настал момент, когда внутри безграничного ареала «прав человека» стоит выделять более определённые идейные направления, очевидно, связанные с теми или иными правами, как они зафиксированы в документах и бытуют в общественном дискурсе, и этих направлений — назвав их как-то по вкусу — открыто придерживаться.

Лично я полагаю, что в пылу расширения понятия «прав человека» мы, то есть человечество в целом и некоторые его сег-

менты в особенности, поторопились отказаться от приоритетной ценности основных личных, гражданских и политических прав, хотя именно они выражают самую суть человеческой свободы, как она существует в социальных отношениях (иные аспекты свободы — это и иное дело). Я имею в виду примерно тот набор прав, который описан в I разделе европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, но это — именно в первом приближении.

Прочие права человека не столь фундаментальны, более того, само применение к ним этого термина вызывает сомнение. Либо это не права человека в том понимании, что ни государства, ни сильные мира сего не могут их отнять (как неприкосновенность личности): я имею в виду «право на чистую воду» и тому подобные вещи, потому что применительно к ним проблема не в отнятии чистой воды сильным у слабого (или преимущественно не в этом). Либо это вообще скорее не универсальные права, которые присущи всем людям, а выраженные в форме «прав человека» коллективные интересы, как, например, право наёмного работника на отдых. Разумеется, я не готов всегда провести чёткую границу между фундаментальными правами человека и всеми прочими, но в этом и нет практической необходимости: я хочу лишь обозначить это разделение.

Мне кажется, настало время возникнуть движению защитников именно основных личных, гражданских и политических прав, движению тех, кто полагает эти «права первого поколения» фундаментальными и готов отставить другие задачи и приоритеты в сторону. Назовем таких людей — в качестве рабочего термина, конечно, — «правозащитными фундаменталистами». Далее я говорю как будто о существующем движении, но это лишь риторический приём, а не утверждение, что такое движение существует.

Такой правозащитный фундаментализм не имеет в виду вытеснить или поглотить остальных правозащитников. Собственно, он может каким-угодно образом блокироваться с любыми из них, как и с не правозащитниками, для достижения своих

целей. Это вопросы прагматические, но широкое блокирование и объединение, максимальное широкое привлечение сторонников, по-моему, вообще не должны быть среди основных приоритетов любых правозащитников – постольку, поскольку они не являются политическим течением. Широкая блокировка – свойство скорее политических, чем идейных течений.

С другой стороны, правозащитный фундаментализм, отстаивающий, по сути, основные ценности модернизированного мира, отстаивает их не только против произвола различных властей или против антилиберальных милитантных течений, но и против набирающих всё большую силу «политик идентичности», не только отстаивающих чьи-то права и интересы, но и зачастую раскалывающих и даже подрывающих либеральные (и не только) политические нации и само либеральное устройство общества (где оно есть) с использованием именно словаря прав человека. И само собой, правозащитный фундаментализм выступает против автократов, всюду манипулирующих обществами с использованием того же словаря.

Общества, в которых мы живем, всё более мультикультурны, вне зависимости от того, какую политику в этой сфере проводят наши правительства. И дело не только в «переселении народов», но в не меньшей степени в том, что идентичности, признаваемые как варианты нормы, стремительно умножаются: уже достаточно общепринято иметь не единственную национальную или этническую идентичность, или иметь необычные или переходные формы религиозной идентичности, повсеместно добавилось деление по идентичностям, связанным с сексуальной ориентацией, и мы все видим, как входят в мейнстрим всё новые идентичности. Все они формируют заказ на политическое представительство (реализуемый, к счастью, лишь изредка через секторальные партии) и на свой вклад в язык прав человека. Но кто-то же должен в этом всё более сложном мире сосредоточиться на отстаивании именно того, что составляет основу человеческих прав и условие демократического сосуществования этих идентичностей. Причём отстаивать это зачастую

приходится в конфликте с запросами тех или иных социальных групп, не только социально доминирующих, но и меньшинств.

В частности, правозащитный фундаментализм должен констатировать, что «групповые права человека» — это оксюморон. Есть люди с особыми потребностями, и теоретически тут проблемы нет, и есть проблема реинтерпретации основных прав человека (обычно это личные права, с политическими и гражданскими проще) применительно к новым для общественной сцены группам (яркий пример: право на заключение брака понималось не так давно как право вступать в брак свободно, но именно — в брак между мужчиной и женщиной). А «групповые права» — это групповые интересы, и к тем, кто их отстаивает, правозащитный фундаментализм относится как к разновидности политических движений: с ними можно и часто нужно сотрудничать, но следует ясно обозначить разногласия в основных понятиях, включая понятие «правозащитник». Не отвергая, естественно, право других правозащитников называться таким образом, даже если различия в самоопределении действительно велики.

То, о чем я пишу, может называться словом «фундаментализм» не только из-за отсылки к словосочетанию «фундаментальные права», спорному самому по себе, кстати. Здесь есть сходство и с фундаментализмом в религиозном смысле — в смысле возвращения к истокам, но на новом этапе, не в порядке реставрации старины, а в порядке революционного преобразования настоящего с опорой на несколько «вышедшие из моды», «устаревшие» элементы кредо. Это сравнение — рискованное, если вспомнить, до чего доводит большие группы и целые страны религиозный фундаментализм, но зато это сравнение даёт возможность лучше понять, о чем речь. Или можно сравнить с зарождением вокруг идей Хайека нового либерального движения, бывшего маргинальной группой, противостоявшей «искажениям» либерального порядка, а через несколько десятилетий ставшей основой для широкого поворота в жизни Запада. Впрочем, любые сравнения — это не более чем сравнения, это всегда сходство в чём-то одном и различие во многом другом.

Что здесь действительно сходно: любое, фундаменталистское или нет, небольшое идейное направление может стать общественной силой и чего-то добиться, только если оно обрастает союзниками, не всегда ожидаемыми, иногда временными, а иногда стратегическими. Так, современное правозащитное движение на Западе выросло во многом на длительном союзе с политическими движениями меньшинств.

Правозащитный фундаментализм, как и положено любому фундаментализму, стремится подчеркнуть свою особость, своё отличие от смежных течений, но это не значит, что он с ними должен враждовать. Наоборот: ясное проговаривание различий, неприятное и конфликтогенное вначале, позволяет в среднесрочной перспективе выстроить более здоровые отношения.

Понятно, что для правозащитного фундаментализма остаются во многом те же долговременные союзники, что и для большинства правозащитников. Это, например, представители интересов систематически и всерьёз дискриминируемых меньшинств (слово «всерьёз» тут не лишнее, так как дискриминация — не только факт жизни, но и предмет политических манипуляций). Но могут быть и союзники ситуативные. Например, в Дагестане по проблеме женского обрезания таким союзником окажутся власти, а по проблеме свободы совести — салафиты, хотя ни первые, ни вторые никак не могут быть отнесены к группам, которые поддерживают фундаментальные права человека. И конечно, не стоит забывать, что временный союзник может считать тебя скорее врагом, но временно терпимым, — что ж, общественные коалиции не всегда построены на единомыслии и взаимной любви, и даже обычно не на них.

И последнее о союзниках. Чаще всего это группы активистов, выступающие от имени той или иной общности. Во-первых, нам стоит ясно понимать, что именно это за общность, а не следовать самопрезентации (например, те же салафиты — это не вообще мусульмане). И во-вторых, ещё важнее: следует твердо помнить, что они именно выступают от имени, а не представляют свою группу, если только мы не видим реального механизма

формирования представительства. Нам это легко помнить, если та общность нам хоть немного знакома и мы видим внутренние различия, и сложнее, если наоборот. Но это всегда так.

Завершая эти заметки, я хочу повториться, что это – не предложение всем правозащитникам. Правда, я думаю, нет никакого предложения, которое все правозащитники могли бы принять. Скорее всего, большинство читателей этого текста воспримет его как контрпродуктивное предложение. Но и таких читателей я всё же прошу обратить внимание на детали: вдруг, не соглашаясь с моим посылом в целом, вы найдёте что-то полезное в частностях.

Заметки о правозащитном фундаментализме

Лада Бурдачёва

Отдельно хочу поблагодарить Александра Верховского за его текст. Он точно передаёт мое видение и представление.

Мне лишь немного остаётся добавить. Идеи прав человека существуют очень многие десятилетия и столетия. Многие философы, историки, гуманисты, писатели и поэты обращались к идеям свободы, равенства, справедливости. В XX веке идея, что человек перед государством не защищён и слаб, стала настолько очевидной, что возникла необходимость создать и закрепить на общемировом уровне ценность жизни каждого человека и способы его защиты.

В Международной школе прав человека и гражданских действий мы всё время говорим именно о фундаментальных правах и свободах. Нам было интересно, какой перечень (список) прав человека есть у каждого и каждой на планете Земля, вне зависимости от гражданства или его отсутствия, цвета кожи, религии, пола и т.д.

Мы взяли пересечение трёх основных документов:

- Всеобщая декларация прав человека;
- Пакт о гражданских и политических правах;
- Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Получилось, что у каждого и каждой на этой планете пере-

чень прав и свобод, которые защищают нас от всевластия государства, очень небольшой. Это буквально 15 пунктов. Для себя мы называем это «фундаментальными правами человека».

Я занимаюсь именно просвещением и образованием по фундаментальным правам человека, поскольку для меня это – основа. Не будет этого списка, всё остальное невозможно для реализации и защиты. Возьмём любое право, например, право на собственность. Если у меня нет возможности обращаться в суд для защиты моего права, или выходить на митинг (или любое другое публичное мероприятие), или создавать инициативу/организацию для защиты этого права, непонятно, как мне вообще добиваться его реализации. Поэтому без работы над фундаментальными правами и свободами, всё остальное очень быстро закончится.

Ознакомиться с нашим «списком» фундаментальных прав и свобод можно здесь:

https://inthrschool.org/files/buklet_pch_2017_3_.pdf

Мы говорим про «поколения» прав человека. В моём восприятии это не совсем удачный подход, потому что обычно за новыми поколениями будущее. А в данном случае будущее может быть, только если фундаментальные права и свободы будут в фокусе внимания, будут достаточно защищены и обеспечены.

При этом я ценю работу людей в других сферах, она также важна и нужна. Но это уже другая история.

О правах человека — вернуться к истокам и задуматься...

Валентин Гефтер

Эти заметки вызваны недавними обсуждениями природы прав человека и их понимания, что часто смешивается с представлениями о деятельности и «составе» правозащитного общества в современной России. Последние кажутся более актуальными, но останутся «осетриной второй свежести», если те, кто хочет разобраться в смысле своих занятий, не вернуться к их истокам.

Итак, что есть права человека, если определять их не в духе «право имею» или «качать права», а исходя из современных представлений о Homo Sapiens и соотношении его биологической и социальной ипостасей. Возьмём один из последних универсальных документов на эту тему — Конституцию РФ 1993 г., вторая глава которой с её почти 50 статьями основана на двух пактах ООН шестидесятых годов и Европейской конвенции об основных правах и свободах, принятой десятилетием ранее.

Попробуем представить перечень входящих в них прав и свобод:

- индивидуальные (**антропные**) права на жизнь и неприкосновенность личности, в т.ч. её жилища и собственности, с запретом смертной казни, пыток и лишения свободы не по закону, права на самоидентификацию и тайну частной жизни, на свободу слова, убеждений и вероисповедания, коммуникации и объединения с другими

людьми (в т.ч. в семейный союз), передвижения и выбора места жительства;

- **гражданские и политические права**, относящиеся к участию в общественной жизни и управлении государством, равенству перед законом. Это избирательные права, право на мирные собрания и союзы, защита от дискриминации по признаку принадлежности к этно-конфессиональной группе, расе или полу, право на поиск и распространение информации в обществе, на гражданство и т.п.;
- отдельно выделенные **право на доступ и участие в отправлении правосудия, на судебную защиту и юридическую помощь, на справедливое предварительное и судебное разбирательство с соблюдением процессуальных прав его участников;**
- **социально-культурные права**, включая право на свободный труд и отдых, допущение разных форм собственности, охрану культурной и природной среды и т.д.

Конечно, столь жёсткое разбиение на отдельные категории прав не может быть абсолютным и общепризнанным, как и разделение на биологическую и социальную природу человека. Но очевидно, что, по сути, права категории «а» относятся к индивиду, хотя частью и к его взаимоотношениям с другими, а остальные напрямую связаны с человеком как с элементарной единицей социума (общества и государства). При этом, права трёх последних категорий закрепляются и защищаются в Праве (как общественном договоре) по-разному, в зависимости от социальной эволюции общества и форм его организации.

Это означает, что, в отличие от фундаментальных и неотъемлемых прав антропогенного происхождения (категории «а»), иные права могут при некоторых обстоятельствах и для отдельных регионов планеты ограничиваться и обуславливаться общественно-политическим устройством и практиками разных сообществ. Поэтому их можно назвать **законными** правами и интересами физических и юридических лиц, так что их набор и содержание

могут меняться в зависимости от «местонахождения» и границ принимающих законы государств и их союзов, в малых или больших регионах Земли.

Тогда как антропные права соотносятся с «полюсами» того, что можно определить как «человечность» — отдельной личностью и землянами в целом. И обязаны эти права своим происхождением роду *Homo Sapiens* «по определению», а не согласно общественному договору в виде законов и конвенций, кем бы они не были установлены — даже ООН от имени всего (?) человечества. Универсальность прав человека возможна не за счёт безбрежного расширения перечня разнородных прав и свобод с целью учесть или удовлетворить интересы всевозможных акторов (что имело место последние 75 лет), а «ценой» его сужения до того минимума, без которого человеческая личность не перестаёт быть таковой, без того, что отделяет её в мире живого от т.н. социальных животных, в т.ч. от предшествующего современным людям *Homo Erectus* и других близких антропоидов.

Такой подход позволяет описать аксиоматику прав личности, исходя из их антропогенной природы человека разумного. При этом нет необходимости в делении прав разных категорий на поколения или по «сортности». Отличие разных категорий прав связано лишь с одним — их происхождением, но регулирование разных прав, их защита и восстановление могут и должны осуществляться одинаковыми или аналогичными по своей сути методами.

Особенность их ещё и в том, что антропные права универсальны и более абсолютны по характеру, их труднее «приписать» к одной лишь культуре, социально-экономическому укладу, общественно-политическому строю, ими следует определять содержание юридических норм и практик, а не наоборот. Поэтому принцип верховенства права состоит не только в его приоритете над политикой и средствами её нормативного регулирования: «точка отсчёта» всей системы Права — фундаментальные антропные права и свободы.

О границе узнаваемости правозащитников

(размышление правозащитника-провокатора)

Игорь Сажин

Если мы ходим солидарности, если мы хотим мобилизации на наши ценности, то мы должны обозначить границы нашей узнаваемости. Люди не могут ходить к расплывчатой и неясной ценности, не могут реагировать на то, что находится просто в области хорошего как такового, как бы нам этого ни хотелось. Любая мобилизация ищет качества. Мобилизация всех рождает разочарование всех, а поэтому мобилизация всех – это мобилизация ровно никого или тех, кто в восторге придёт, получит дивиденды и дальше пойдёт искать новый объект для любования и получения дивидендов.

Раз мы хотим узнаваемости, то главная забота наша – это провести чёткую границу, отделяющую правозащитное от неправозащитного. Понятно, что мы находимся в области добра. Обычно любая конгломерация мыслится её обитателями как обитаемая в области добра. Но узнаваемость наступает, только когда есть конкретные признаки того ценного, что нами было различаемо в области всего добра и что было выделено нами в области добра как своё.

Один из самых ярких признаков нашего добра – это справедливость. Но и это слишком широкая область. Я попытался для себя определить некоторый набор признаков, которые отделяют реальное поле работы правозащитника от поля работы других хороших людей, находящихся в области добра и справедливости.

1. Основной принцип – это безысходность положения тех целевых групп, которым предоставляется помощь в рамках деятельности. Если степень безысходности очень высокая, то, скорее всего, можно считать действие правозащитным, если нет, то надо смотреть на другие принципы. Что можно считать высокой степенью безысходности целевой группы, требующей поддержки? Это, безусловно, высокая степень зависимости целевой группы от тех, чьи действия привели к несправедливости.
2. Следующий важный принцип – степень самостоятельности принимаемых решений целевой группы. Насколько жертва несправедливости способна, в силу тех или иных обстоятельств, действовать инициативно и независимо? Каковы последствия этой инициативности и независимости? Например, чем моложе дети в детских домах, тем выше их степень зависимости от государства; чем старше дети, тем они более способны принимать самостоятельные решения, и система детских домов не носит полностью закрытый характер. Чем выше степень инвалидности или болезни, тем более человек оказывается в зависимости от государственной помощи, а чем ниже степень инвалидности, тем человек больше может оказывать помощь себе самому, защитить самостоятельно свои права или получить защиту со стороны близких и негосударственных опекунов.
3. Ещё один важный принцип вытекает из первых двух. Любые действия, связанные с госучреждениями, где есть зависимые группы населения, способные в меньшей степени сопротивляться действиям государственных структур,

а значит, в которых возможность произвола выше, — это область правозащитной деятельности.

4. И ещё один признак. Здесь важно осознавать то, что правозащитная область работы не может касаться широкого спектра уязвимых групп и неограниченного спектра уязвимых групп.
5. При этом надо учитывать, что по самой конструкции оказания помощи правозащита носит характер скорее вторжения, чем ожидания заявления со стороны жертв, потому что бессилие уязвимых — это явный признак наличия именно правозащитных действий. Понятно, что заявления могут помогать выявлять такие места безысходной уязвимости, требующей правозащитных действий.
6. В связи с вышеизложенным, все темы, касающиеся защиты прав потребителей, ЖКХ, бизнеса, трудовых прав, имущественных прав, могут рассматриваться только через призму безысходности, невозможности самим выступить в свою защиту и через призму ограниченных групп жертв. Как только мы начинаем в силу успешности заниматься этой темой широко, мы теряем правозащитность.
7. Особо надо отметить защиту прав беженцев и мигрантов, которые не находятся в закрытых и полужакрытых учреждениях, но сами по себе находятся в очень уязвимом положении и в чужом государстве, где они наиболее уязвимы. При этом надо определить, какого направления прав беженцев касается проблема. Если это касается очень тяжёлых случаев типа насилия в отношении мигрантов со стороны государства или лишения имущества, то область может быть признана областью правозащитной деятельности. Иными словами, степень безысходности для данных людей довольно высокая. Если тема оказания помощи беженцам касается менее тяжёлых нарушений, то надо крепко задуматься о том, является ли это правозащитной тематикой.

8. Также особо надо рассматривать поле общественного контроля за деятельностью госучреждений и госорганов. Чаще всего в бытовом рассуждении это поле деятельности общества, направленное на контроль судов, полиции, тюрем, рассматривается как правозащитное в силу особого положения данных структур для государственной системы защиты прав человека, но и здесь бы я сузил тему до контроля за наиболее тяжёлыми формами нарушения прав человека, а не сваливался к широкому контролю и заявительным формам слежения за нарушениями.
9. Также особо надо рассматривать область защиты свободы слова. Здесь, к сожалению, надо правозащитность ограничивать теми темами, которые непосредственно касаются защиты прав журналистов от наиболее жёсткого преследования со стороны государства. Более широкие трактовки свободы слова следует относить к не совсем правозащитным, либо точно неправозащитным.

Зачем ещё нужен такой жёсткий подход к разграничению борьбы за справедливость правозащитной от неправозащитной? Дело в том, что это поможет преодолеть одну из самых тяжёлых болезней современной правозащиты — это цеховой подход, когда все друг друга знают и с недоверием относятся к любым другим входящим на это поле, а то и вовсе измерением правозащитности вдруг становится личное отношение правозащитников друг к другу. Как бы я ни относился к человеку, но, если человек придерживается границ, сформулированных выше, он явно считается человеком, находящимся в поле правозащиты. При этом можно избегать сектанства в области правозащиты и также правозащитниками можно признавать и тех, кто не разделяет наши другие ценности, не связанные с областью прав человека, а связанные с приверженностью к другой форме политического режима, к другим эстетическим и религиозным предпочтениям. Надо признать, что человек может быть правозащитником и при этом голосовать за коммунистов, человек может быть правозащитником и плохо относиться к определенным религиозным группам. Такое может быть.

Кто (кроме приговорённых к смертной казни) имеет право на жизнь?

Лев Левинсон

Мы защищаем права человека как моральные универсалии с полным осознанием того, что они не столько отражают естественные человеческие склонности, сколько противостоят им. Именно поэтому в основание прав человека невозможно положить какую-то естественную человеческую жалость или солидарность. Утверждая, что подобные качества естественны, мы тем самым предполагаем, что они являются врождёнными и равномерно распределёнными среди всех людей. Реальность же выглядит совершенно иначе: это подтверждают Холокост и прочие бесчисленные примеры человеческих преступлений и зверств. Поэтому необходимо иметь такую веру в права человека, которая была бы воздвигнута на том, каковы человеческие существа на самом деле; в этом нужно отталкиваться от худшего вместо того, чтобы полагаться на ожидания лучшего.

Майкл Игнатьев.

Права человека как идолопоклонство

Вынесенная в эпиграф цитата из недавней статьи известного историка и политика полезна нам для рассуждений, не только теоретических. Противоречия представлений о том, что такое права человека, существуют давно, их можно только приветствовать, как любые обсуждаемые противоречия, дабы — как писал апостол Павел коринфянам — «открылись между вами искусные». Обсуждений таких нам, российскому правозащитному сообществу, сильно не хватает, как и стремления осознать, проживать и развивать философию прав человека. Плохо и то, что, за отсутствием конкуренции идей, формируется (или уже сформировалась — свято место пусто не бывает) «единая правильная» концепция с «научным» обоснованием ограничительного понимания прав и свобод. Расширяется самоограничение правозащитного вмешательства. И здесь теория переходит в политику, в злобу дня.

Поэтому столь ценно состоявшееся недавно небольшое обсуждение в рамках семинара, где были обозначены полюса этих различий, причём в разных системах координат. С одного края, политолог Михаил Мизулин убеждал семинар в том, что в цивилизованном мире правоведы давно разложили, как в таблице Менделеева, все права по своим местам, и проблема лишь в том, чтобы перевести их труды на русский язык и учить по ним студентов. С другого края правозащитник Игорь Сажин пишет, по сути, что теория прав человека определяется правозащитной практикой, то есть творится здесь и сейчас в зависимости от реальных вызовов.

В содержательном же плане разговор на семинаре шёл о равенстве (или неравенстве?) прав, гарантированных пактами: права быть свободным от голода и права быть свободным от пыток. Есть досыта и радоваться жизни. Или просто радоваться жизни, без еды?

Дело в том, что классическое представление об естественных правах человека как о принадлежащих ему от рождения, положенное в основу современной правозащитной работы, особенно нашей российской, определяет и ранжирование

прав человека по так называемому поколенческому признаку. Это в свою очередь приводит к вытеснению из правозащитного дискурса социально-экономических прав, волюнтаристски отнесённых к правам «второго поколения». Поколенческая теория в сочетании с отрицанием коллективных прав порождает формирование урезанного и далёкого от жизни представления о правах человека. В результате в глазах телезрителей гражданское правозащитное движение приобретает признаки сектантства, ангажированности, политического заказа. Непонимание создаёт питательную среду для шельмования правозащитников.

Для власти же риторика прав человека – испытанное средство манипуляции. Власть в РФ, используя, как отмычку, статью 55 Конституции, неистово множит неправовые запретительные законы – и всё во имя прав человека. Так, цензура вводится для «защиты детей от информации», а свобода творчества ограничивается для защиты прав верующих. С оруэлловской наглядностью полиция в Москве, перекрыв все входы и выходы, призывает не мешать проходу неизвестно куда идущих других, невидимых граждан. И это не только картина «несанкционированных» митингов, но и образ реализации прав граждан, это образ отношения к праву вообще: свобода выборов без выбора, свобода референдума по любым вопросам, кроме всех актуальных (их ставить запрещено), общественный контроль с разрешения контролируемых... Всё просто как при Андропове.

На Западе правозащитникам сложнее. Власти в «европах» давно согласились в основном соблюдать личные («естественные») и политические (гражданские) права, хотя нарушают их, конечно, но для этого там существуют независимые суды, свободная пресса и свободно дышащие правозащитники. Однако – и это особенно заметно в бывших странах «победившего социализма» – за пределами этого джентельменского соглашения между властью (не только государственной, но и корпоративной) и гражданским обществом тема прав «второго поколения» переводится в терминологию «интересов», «зако-

нов экономики», рынка, конкуренции, погодных условий и чего угодно. Кроме прав человека. Для чего подчёркивается, что социальные и экономические права в Билль о правах человека протащили советские товарищи и их сателлиты.

Неотъемлемые права первого поколения на самом деле ничем не лучше и не хуже вынесенных за скобки, поставленных во вторую и третью смены, но это консенсусные права, то есть те, о которых государства более-менее договорились между собой и со своими гражданами. Из того, что ядерная война представляет большую угрозу, чем, например, цензура, не следует, что свобода слова представляет меньшую ценность, чем миротворчество.

Мы попадаем в ловушку с тремя (или уже четырьмя?) поколениями прав человека. За свободный труд, за доступное образование, за право каждого на жилище лучшие люди выступали задолго до 1948 года. И ещё в Библии сказано «Не заграждай рта у вола молотящего». По отношению к чему эти права оказались во втором поколении?

Ловушка в том, что такая градация выгодна только власти. Дескать, говорите, пишите, веруйте, собирайтесь на площади, голосуйте, вот вам даже независимый суд и презумпция невиновности. И вот вам право на жизнь в виде отмены смертной казни. Тем более что отменять — в западном мире — уже ничего не надо. Да и в РФ действует введённый Конституционным судом бессрочный мораторий. Может быть, наши внуки доживут до времён, когда смертной казни не останется больше нигде.

Однако сейчас на Земле умирают по приговору суда — от побивания камнями, на виселице или на электрическом стуле — относительно немногие люди. Намного больше — и очень много — умирает от голода, холода, неоказания медицинской помощи при излечимых болезнях. И на войне.

Право на жизнь — как древо жизни, состоящее из трёх ветвей. И первая — это право на достойную жизнь, на хлеб и кров. Вторая — отказ от войны, от права государства принуждать сво-

их граждан убивать граждан другого государства и умирать во имя чего бы то ни было. И третья – запрет смертной казни.

Отрицающие равенство прав исходят из того, что если права первого поколения государство, при доброй воле, всегда может соблюдать, то уровень жизни вроде как зависит от объективных социально-экономических условий и не может быть обеспечен в равной мере в Монако и Конго. Позволю себе предположить, что дело не в этом.

Насколько экономические условия обеспечения социальных прав непреодолимы? Думается, это вопрос не экономический, а политический. Когда у государства есть деньги вести войны, содержать гигантскую полицейскую и раздутую до невозможности административно-командную систему вообще, и когда при этом государство заявляет, что денег на социальное развитие нет, тогда к этим «объективным условиям» подвёрстывается идея, будто бы у прав есть какие-то поколения и время второго поколения ещё не пришло.

Голодному не до политических прав. Ему говорят – пожалуйста, вот Турция, Париж, железный занавес пал. А ему не хватает на проездной.

Соблюдение личных и политических прав не требует особых затрат от государства и корпораций, в отличие от прав трудовых, жилищных, пенсионных и подобных им. Что с одной стороны объясняет, почему концепция «поколений» прижилась в юридических вузах, с другой же – служит как бы обоснованием объективных трудностей государства по обеспечению своих социальных обязательств.

Дело и в идейных противоречиях. Правозащитники, условно говоря, старшего поколения, диссиденты, пострадавшие от псевдосоциалистических режимов, в силу своей исторической памяти не воспринимают равенство свободы слова и права на колбасу. Говорят даже, что Пакт о социальных, экономических и культурных правах был принят Генеральной ассамблеей ООН исключительно в угоду Советскому Союзу. Якобы советская

делегация отказывалась подписать первый пакт, если не будет принят второй, и настояла на принятии второго первым, чтобы не обманули.

Однако, когда подойти к реке и войти в воду там, где люди испокон веков в неё входили, купались, ловили рыбу, вдруг заперещает забор, ограждающий частную собственность; когда лес, где окрестные жители собирали грибы, ягоды и лекарственные травы, оказывается дачей какого-нибудь патриарха — это нарушение и прав, и свобод, и никакие трудности экономики тут не при чём.

Лет 15 назад власть с гордостью отчиталась в полном погашении государственного долга международным финансовым институтам. Тогда же государство полностью и окончательно сняло с себя обязательства по восстановлению утраченных (правильнее — украденных) дореформенных сбережений советских граждан. Этой темой, её законодательным закреплением, занимались в 90-е годы правозащитники, не называвшие себя таковыми: Елена Александровна Санникова, Тарас Александрович Онищенко. Правозащитная ли это тема? Если защита пострадавших от злоупотреблений властью, защита потерпевших от преступлений — задачи правозащитные, то чем от них отличается восстановление сбережений?

Пунктирный формат этого текста не позволяет подробнее изложить свои мысли об имущественных правах, определение которых трансформировалось из «права на собственность» в «право собственности». Скажу лишь, что правозащитная миссия — не защита «священной собственности», а защита права каждого на собственность, замешанного на принципах справедливости и солидарности. Речь не об уравниловке и военном коммунизме. А, например, о прогрессивном налоге, более соответствующем правозащитной концепции, чем единый для всех подоходный налог. В этой связи вспоминается проповедь о чуде умножения хлебов Фрея Бетто, католического священника, автора Бесед о религии с Фиделем Кастро. Как Христос накормил пять тысяч пятью хлебами и двумя рыбами? Чудо, по мысли

проповедника, в том, что часть пришедших послушать Иисуса, имевших корзины, полные провизии, поделилась с теми, кто не имел ничего. Оказалось, хватает на всех с избытком.

Так что дело не в том, что, провозглашая себя социальным (статья 7 Конституции), государство не имеет ресурсов быть таковым. Во-первых, имеет. Сколько съели Олимпиада и футбол! Во-вторых, это не имеет значения. Важны приоритеты — и в государственной политике, и в умах людей, большинство из которых веруют в государство. И верят они, будто государство — всё, а человек — винтик. «И вы, мундиры голубые, И ты, им преданный народ». Зачем им права второго поколения, не говоря уж о первом? То есть то, о чём говорится в социально-экономическом пакте, им, конечно, нужно. Но мыслится эта нужда в категориях не права, а погоды. Вот оттепель, надо воспользоваться хорошим деньком. Вот из Кремля опять холодком потянуло. Маркиз де Кюстин в своей книге «Россия в 1839 году» констатировал последствия сменявших одна другую российских тираний: «Если бы вы путешествовали вместе со мной, вы, так же, как и я, заметили бы неизбежные опустошения, которые произвёл в душе русского народа абсолютный произвол. ... Другие народы терпели гнёт, русский народ его любил, он любит его по сей день».

Нужны справедливые законы. В том числе и бюджет должен быть бюджетом социального государства. Когда говорят, что эта категория прав обусловлена развитием экономики, которая не может сразу стать везде одинаковой — это лукавство. В таком случае правы были бы и утверждающие, что все права человека должны соотноситься с уровнем общественного развития, традициями, отсталостью, дикостью и т.п.

Игорь Сажин в слове «правозащитное» ставит акцент на защите. Я ставлю его на праве. Ставка на правозащитный сервис — это соскальзывание из правозащитного в социозащитное поле. Ничего плохого в этом, конечно, нет, только правозащитная деятельность происходит в политическом пространстве, сколько бы от этого ни отрекчивались. Политика по статье 32 Кон-

ституции не может быть приватизирована государственной властью: граждане вправе участвовать в управлении делами государства как через своих представителей, так и непосредственно. Правозащитники, работающие с беженцами, бездомными, инвалидами, помогающие заключенным, делают великое дело. Но «задачей должно быть не отстаивание отдельных прав, при общем бесправии бесперспективное, а изменение характера государства» (В.В. Бибахин. Введение в философию права). Желательно эволюционным путём.

Защита прав конкретных людей, правозащитная помощь людям — дело совести, сострадания, солидарности. Но это прикладная часть правозащитного дискурса. Даже если бы все жители нашей страны отказались от своих прав, их всё равно надо было бы защищать, — не жителей, а права (жителей, впрочем, тоже). Права человека сами по себе являются цивилизационной ценностью. И будучи культурной доминантой христианского («западного») мира, сами по себе требуют защиты. Защита правозащитников поэтому отнюдь не оксюморон. Так люди, собиравшиеся в защиту статьи 31 Конституции, отстаивали самоценность самого этого права вне зависимости от того, по какому конкретному поводу оно вправе реализоваться. Как писал Владимир Бибахин, «моя борьба не за свои интересы, а за то, чтобы право было, в том числе и моё».

Нужно сказать и о благотворительности. Всеобщей благодарности заслуживают альтруисты, на которых держатся такие организации, как «Ночлежка», «Право матери», или собирающие деньги на тяжело больных детей. Поскольку они работают лучше государственных учреждений, государство должно развивать систему социального заказа и поддерживать эти НКО. Плохо, когда их используют как двустороннюю подмену, прикрываясь ими и противопоставляя их «неправильным» (вмешивающимся в политику) правозащитным НКО. Благотворительность сама по себе к правам человека отношения не имеет. Но есть организации, оказывающие помощь людям и защищающие их права, как, например, «Гражданское содействие», в работе которого

слиты воедино правозащитная и социозащитная составляющие. Отчего и неудивительно, что организация Светланы Ганнушкиной одной из первых включена в «чёрный список» иностранных агентов.

В Советском Союзе была общественная организация – «Все-союзное общество инвалидов» (ВОИ), которая что-то, наверное, делала, но прежде всего выполняла основную функцию советской общественности – втирала очки, обслуживая в первую очередь государственные интересы. Естественно, ВОИ пользовалось всеми удобствами – зданиями, санаториями, кормушками для актива. А были те, как художник и правозащитник Юрий Киселев, кто говорил об истинном положении инвалидов в СССР, где колясочники не имели не только никакой доступной среды, но и самих колясок; где безногих-безруких после войны убирали с улиц, как мусор, на Валаам и в другие душегубки подальше от глаз. Вот что говорил на радио «Свобода» Борис Альтшулер, хорошо знавший Киселёва: «Он потерял ноги в 1945 году, когда ему было ровно 13 лет, он попал под трамвай, передвигался на такой скамеечке, окончил Строгановское училище уже будучи инвалидом. 48 лет назад, 1956 год, Сталин умер 3 года назад. Какое диссидентство, какие демонстрации? Юра Киселев, ему было как раз 24 года, выводит 30 колясочников вот здесь рядом, на Старую площадь, перед зданием ЦК. В 1978 году, когда была создана Хельсинская группа, потом их быстро арестовали, создаёт в рамках Хельсинской группы инициативную группу по защите прав человека. Его не посадили. У него сжигают гараж, у него маленькая машина инвалидная, прокалывали шины, избивали при входе в подъезд – как бы бытовуха. Угрожали, угрожали, а потом сожгли его знаменитый дом в Коктебеле, где он столько лет принимал друзей.»

И сегодня на социальных правозащитников, правозащитников-экологов давление не меньше, а то и сильнее. Мы видим, как в разряд «неблагонадёжных» попадают и чисто социальные, не занимающиеся ни контролем, ни мониторингом, гражданские организации. Эти зоны – дома инвалидов и престарелых,

детские дома, психиатрические больницы, спецприёмники для беспризорников, а также зоны экологического бедствия, вроде Череповца, и зоны в прямом смысле — для зк — всё это зоны, закрытые для всего внешнего мира, и охраняются с овчарками. Почему? Потому что государство РФ, равно как СССР в своё время, считает своими крепостными граждан этой страны.

*

Сердцевиной правозащитной работы, правозащитного дискурса должно стать антивоенное движение.

Когда речь заходит о войне, оказывается, что положения Билля о правах человека для неё вторичны. Имеются специальные нормы международного права — Женевские конвенции, правила войны. Если есть правила, значит и война по правилам. Ведь требуя отмены смертной казни, международные организации требуют именно отмены, а не гуманизации процедуры. Не замены побивания камнями смертельной инъекцией. О смертной казни в Конституции России сказано «впредь до её отмены». И это «впредь», как сказал Конституционный суд, уже наступило. То же самое должно быть сказано о войне.

В начале 90-х некоторые бывшие диссиденты и правозащитники считали смертную казнь допустимой. Сегодня ни у кого из них уже нет сомнения в её недопустимости. Да и общество потихоньку привыкает к тому, что этот атрибут «сильного государства» уходит в прошлое. Но что такое смертная казнь по сравнению с войной?

Воздух в Москве пропитан милитаризмом. Да и в Америке не слышно о массовых протестах. Слишком убедительным оказалось для американцев 11 сентября.

Не берусь утверждать, но мнится мне, что с Исламским государством и прочими террористическими организациями можно было справиться политическими методами, либо, на худой конец, сверхточной микрохирургической операцией, как ранее был уничтожен по ненадобности Бен Ладен.

Чувство сострадания у нас притуплено, что и говорить. Покаюсь — первая мысль, ударившая меня, когда рухнули башни-двойники, была такой: всё, повод найден, теперь начнётся. Через 10 месяцев в РФ был принят закон «О противодействии экстремистской деятельности».

Сколько греков и троянцев не было бы убито, когда бы не Елена, если бы цари не поссорились. Не будем ворошить историю человечества, было всякое. Но сегодня нельзя говорить о «справедливой» войне. Никто нам не угрожает, кроме собственных правительств. Правительств, заинтересованных в долгоиграющих войнах и выкармливающих для этих целей «своих плохих парней» вроде Саддама Хусейна.

Я бы не смешивал антивоенное с антиармейским. Армия есть даже в Ватикане, хотя вряд ли Престол собирается с кем-то воевать. Армия — с военными кораблями, уланами, драгунами — вещь красивая и даже полезная, вроде секций фехтования. Только она не должна быть большой и боеспособной. А так даже в самом по себе призыве на военную службу в совокупности со свободным выбором между военной и альтернативной — нет ничего плохого. Призыв существует и в Швейцарии. И не отменён он там не из милитаристских соображений, а чтобы граждане Конфедерации умели пользоваться оружием — не на войне. Вооружённый народ полезен для стабильности демократии. И власть ведёт себя достойнее при вооружённом народе, чем при обученном командам, но разоружённом. При этом никто в свободной и сытой Швейцарии не палит из пушек.

Убеждён: кто как не правозащитники должны выступать против войны — любой войны, даже если право на мир не отнесено ни к первому, ни ко второму поколению прав. Мало кто вспоминает о действующей в России не по самому плохому закону альтернативной службе. Её надо пропагандировать, никто не обвинит за это в экстремизме. И у нас есть Лев Толстой, запретить которого не смог ни царь, ни Сталин. Пусть он говорит за нас: «Солдатская памятка», «Офицерская памятка», «Письмо

к фельдфебелю», «Патриотизм и правительство», «Царство Божие внутри вас» и другие полезные сочинения.

Душан Маковицкий, врач Толстого и его ученик, свидетельствует: «Л.Н. рассказал о солдате, который вчера приходил просить помочь вернувшимся из Маньчжурии. Он в японцев не стрелял: «Ведь их тоже так, невольных, загоняли на войну, как нас. Лежишь, трясешься. Говорили нам: «За веру, за царя». Ведь японцы веру с нас не снимали.». Л.Н.: Прежде такого солдата нельзя было найти в России, а теперь их много». Со времени «Войны и мира» Платон Каратаев пережил, вместе со своим автором, духовное преображение. Со своими однополчанами он сжигал оружие в 1895-м. Он больше не стреляет.

В 1945 году Бертольт Брехт ответил обелителям войны стихотворением «Войну осквернили»:

*По слухам, в высших кругах поговаривают о том,
Что вторая мировая война с точки зрения нравственной
Ниже высокого уровня первой. Вермахт
Будто бы сожалеет о методах, применяемых частями СС
При истреблении некоторых народов. Промышленные магнаты
Рура
Будто бы осуждают кровавые облавы,
Обеспечившие их заводы и шахты рабами.
А интеллигенция, говорят, возмущена
Как фактом применения рабского труда капиталистами,
Так и недостойным обращением с рабами.
И даже епископы,
Как утверждают, не согласны с таким методом ведения войны,
Короче,
Повсюду царит ощущение, что нацисты*

*Оказывают – увы! – медвежью услугу стране
И что войны,
Которые сами по себе, конечно, необходимы,
Из-за недопустимой
И едва ли не бесчеловечной формы ведения этой войны
На долгое время дискредитированы.*

Раз война – преступление против жизни, допустимо ли защищать права военнослужащих? Думаю, что да. Права каждого человека должны быть защищены. Но такая защита не должна противоречить целям правозащитной деятельности, то есть должна проходить через антимилитаристское сито.

Представляется, что профессиональная армия намного вреднее призывной. Для профессионального военного, если он служит в предназначенной для войны армии, это работа, он получает деньги и за это должен убивать. Призывник же исполняет «священный долг», то есть сам платит. И его долг недаром называется священным: он не может выплачиваться нарушением заповеди «не убий», поскольку заповедь Божия священнее военных уставов.

Увы, распрощаться с войной и за 30 лет, и за 300 вряд ли получится. Во всяком случае, пока. Пока лев и телец вместе не пожируют и не будут больше учиться убивать.

*

Отрицание коллективных прав – ещё одно распространённое заблуждение. Когда евреев, цыган, коммунистов, Свидетелей Иеговы нацисты уничтожали в концлагерях, умысел исполнителей, организаторов, подстрекателей и пособников был направлен на уничтожение определенных национальных, политических, религиозных сообществ, а не отдельных личностей, уже неразличимых в полосатых робах.

Общепризнанно, что права личности приоритетны перед правами любого сообщества и интересами государства. А права сообщества (национального, религиозного, культурного) приоритетны по отношению к государственным интересам. Если цыган, родившийся в таборе, хочет выйти в открытый мир, порвав со своими, это его право как человека, никакие права народа и ценности сохранения этнической идентичности не могут препятствовать личной свободе. Но если государство решит облагодетельствовать кочующий народ, обязав его жить в пятиэтажках, а народ того не хочет, защита табора — это защита коллективного права. Чисто правозащитная тема. И практика ЕСПЧ не отвергает коллективного права и защищает его в контексте права прав человека. Примером тому — решения по жалобам «Открытая дверь и Дублинские повитухи против Ирландии», «Коммунистическая партия Турции против Турции». Примеров предостаточно.

Признание коллективных прав как прав человека обозначено и в российской Конституции. Если в большинстве статей главы 2 говорится о праве каждого, а в отдельных случаях о праве гражданина (например, в отношении избирательных прав), то в статье 31 субъектами права называются граждане:

«Статья 31 Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование».

К этой статье обращаются обыкновенно как к защищающей массовые акции. Но понятие «собрания» распространяет её действие на всё разнообразие сообществ. Статьи 30 и 31 следует понимать в их системном единстве. Статья 30 закрепляет право каждого объединяться с другими, это право личности. Та же статья 30 гарантирует свободу деятельности общественных объединений — это право организации, действующей либо как юридическое лицо, либо без его образования. А в статье 31 говорится как раз о коллективных правах объединившихся граждан в евангельском, если угодно, смысле: «где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них».

Хочется видеть правозащитное движение уходящим от сектантской обособленности и сосредоточенности на элитных сортах прав. Смысл правозащиты в правовом противостоянии любым неправовым действиям власти, любому властному насилию, любым неправовым ограничениям свободы.

Концепция прав человека и российское правозащитное сообщество в XXI веке

Александр Сунгуров

Сложные, постоянно меняющиеся реалии XXI века требуют постоянной рефлексии не только деятельности правозащитного сообщества в этих условиях, но и самой концепции прав человека, анализа возникающих сегодня проблем и вызовов этой концепции, предложений и обсуждений по её творческому развитию. Признание концепции универсальности прав человека важным достижением человеческой мысли и развитием лучших традиций либерализма не означает, однако, что к ней надо относиться как к застывшему догматическому учению или как к некоей «объективной реальности».

Напротив, концепция универсальности прав человека, как и все концепции, есть результат представлений людей об этом мире, включая как итоги размышлений философов права и политики, так и принимаемые на основе, в том числе и этих размышлений, нормативные акты того или иного уровня. А эти представления могут меняться, что с неизбежностью будет приводить к изменению как размышлений теоретиков, так и нормативных актов. Так, не могу здесь не привести фразу из выступления Андрея Юрова на дискуссии «Права человека в XXI» на Гражданском форуме в Москве 8 декабря 2018 года: «Мы отмечаем в этом году 70-летие принятия Всемирной декла-

рации прав человека. И это здорово. Но если мы не примем во внимание, что к настоящему времени в мире появились около миллиарда жителей Китая, около миллиарда жителей Индии, сотни миллионов жителей Африки, которые могут сказать, что они к принятию этой декларации не имели никакого отношения, то мы рискуем превратиться в секту верующих во второе пришествие прав человека!».

Именно поэтому для всех, кто относит себя к правозащитникам, важно не только понимать возможность (а, точнее, неизбежность) изменения самой концепции универсальности прав человека, но и по мере желания и способности, участвовать в этих изменениях. Ведь эти изменения возникают именно в результате общественных и экспертных дискуссий, и лишь потом выкристаллизуются в виде новых формулировок, резолюций форумов и текстов нормативных актов. Естественно, что в этих дискуссиях могут принимать участие и сторонники «правозащитного фундаментализма», как охарактеризовал себя один из участников состоявшегося 9 апреля 2019 семинара «Права человека – XXI век», заявивший, что считает «правами человека только права первого поколения – личные, гражданские и политические права». К концепции поколений прав человека как к одной из наиболее дискуссионных частей общих представлений о правах человека мы вернёмся чуть позже.

Права человека как предмет общественных и экспертных дискуссий

Кто же может быть участниками подобных дискуссий? С одной стороны, это, конечно, сами члены правозащитного сообщества, которое, впрочем, также неоднородно. Но этого, конечно же, далеко не достаточно. Необходимо выходить за его пределы, и участвовать в обсуждении проблем прав человека с другими сообществами, включая и нелиберальные. Сегодня это уже непросто, хотя бы потому, что у многих общественных групп такого желания уже нет. Ещё десять с небольшим лет тому

назад оно было, например, у православного сообщества, когда в 2008 г. вышла книга Митрополита Кирилла, посвящённая пониманию концепции прав человека в православии [*Митрополит Кирилл 2008*], и в том же году на Архиерейском соборе РПЦ были приняты «Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека». Казалось бы, появилась возможность использования интереса РПЦ к теме прав человека и возникновению дискуссий. Однако вместо этого ряд правозащитников стали протестовать против вторжения в тему прав человека иных групп населения (особенно церкви и воцерковленной общественности). Так, в ходе Второго всероссийского съезда правозащитников Глеб Якунин говорил о Декларации о правах и достоинстве человека: ««Декларация» подрывает демократические основы общества и вносит свою лепту в ползучий конституционный переворот». И никто ему тогда не возразил.

Прошло более десяти лет. И теперь уже в православной общественности угасло желание обсуждать тему прав человека. Мы понимаем, что прошедшие после 2012 года и особенно после аннексии Крыма события существенно изменили общий настрой в российском обществе, но сейчас ситуация снова меняется, появился отсутствовавший ранее общественный запрос на справедливость, на равенство перед законом и на уважение людей властью. И сейчас необходимо не пропустить снова возможности приглашения к дискуссии о современном понимании прав человека представителей нелиберальных частей российского общества – воцерковленных, левых, консерваторов и т.д. Опыт международных дискуссий показывает, что понятие прав человека используется, пусть и по-разному, приверженцами практически всех идеологий, кроме самых радикальных.

Ещё одним полем обсуждения проблем концепции прав человека может стать академическое или экспертное сообщество. В прошлом десятилетии подобные обсуждения проходили на площадках семинаров и симпозиумов СПб гуманитарно-политологического центра «СТРАТЕГИЯ». Важным шагом на пути

привлечения политологов к обсуждению темы прав человека стало создание в 2004 году в рамках Российской ассоциации политической науки Исследовательского комитета по правам человека, у истоков которого стояли О.Ю. Малинова, В.В. Смирнов и другие. Определённым результатом этих усилий стали публикация тематического раздела в журнале «Полис» в 2010 году, а также подготовка и выход в свет коллективной монографии «Права человека перед вызовами XXI века». В это же время при активном участии ИК по правам человека РАПН и прежде всего его члена, д. полит. н. С.И. Глушковой (Гуманитарный университет в Екатеринбурге) выходит первый в нашей стране энциклопедический словарь по правам человека, проходят общероссийские конкурсы работ молодых учёных, посвящённые теме прав человека.

Здесь стоит подчеркнуть, что созданию и более эффективной деятельности подобных экспертно-аналитических площадок по теме прав человека мешают пока и междисциплинарные границы, которые существуют сегодня в общественных науках. Концепция (или теория) прав человека во всём мире развивается сегодня на стыке правоведения, политологии, философии, социологии и ряда иных наук. Взаимодействие же «поверх барьеров» в современной науке, особенно российской, очень затруднено, а учёные, работающие в межпрофессиональном поле часто рассматриваются их коллегами как «не соответствующими профессиональным стандартам». В этой ситуации важно поддерживать и развивать исследования «на стыке». Так, в нашей с Анной Захаровой (Семиковой) недавней статье отстаивается целесообразность развития такого междисциплинарного поля исследований, как политология права, в рамках которой могло бы более эффективно рассматриваться и развитие концепции прав человека.

Уверен, что важной площадкой такого, с одной стороны, экспертно-академического, а с другой — междисциплинарного общения мог бы стать и постоянно действующий семинар «Права человека — XXI век», первое заседание которого состоялось 9 апреля 2019 года.

Кратко – о некоторых проблемах концепции универсальности прав человека

Рассмотрим теперь в качестве примера несколько проблем, связанных с современным пониманием прав человека. Здесь стоит обсудить в первую очередь вопрос о том, как соотносятся между собой принцип универсальности прав человека с концепцией мультикультурализма, которая предполагает сохранение и развитие в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий. Соответственно возникает вопрос, надо ли учитывать культурные традиции людей, принадлежащих к разным цивилизациям, предлагая им одинаковое понимание прав человека? Этот вопрос поднимался уже 70 лет тому назад, в конце 1940-х гг., когда готовилась Всеобщая декларация прав человека. Именно тогда группа учёных Американской антропологической ассоциации под руководством М. Герсковица выступила с Меморандумом, подвергающим сомнению универсалистскую концепцию прав человека. Согласно их позиции, «стандарты и ценности имеют особенный характер в разных культурах, из которых они происходят, поэтому всякая попытка сформулировать постулаты, вытекающие из представлений или морального кодекса одной культуры, препятствуют распространению такого рода декларации прав человека на человечество в целом...».

Как пишет в своей книге «Социология культуры» первый декан факультета политологии НИУ ВШЭ Л.Г. Ионин: «Организация Объединённых Наций по сути дела проигнорировала этот меморандум, положив в основу Всеобщей декларации прав человека универсалистскую концепцию, согласно которой права человека едины для представителей всех сообществ, входящих в мировой порядок, независимо от специфики конституирующих эти сообщества традиций и свойственных этим традициям принципов понимания свободы».

Это игнорирование произошло, на мой взгляд, потому, что в то время страны-победители во Второй мировой войне остро нуждались в наличии концепции, которая позволила бы вы-

строить международные отношения на каком-либо ином принципе, отличном от казавшегося ещё недавно незыблемым принципа суверенитета отдельных государств. Именно нерушимость принципа суверенитета привела к тому, что первая международная глобальная организация — Лига Наций — не смогла остановить преступления против человечности гитлеровской Германии. Принцип универсальности прав человека и стал таким новым объединяющим принципом. Сегодня же, семьдесят лет спустя, выясняется, что игнорирование позиции антропологов не приводит к исчезновению самой проблемы.

Поэтому сегодня ничто нам не может помешать вспомнить, как же, по мнению авторов Меморандума о правах человека, должны сегодня эти самые права человека декларироваться: «В основу должны быть положены общемировые стандарты свободы и справедливости, базирующиеся на принципе, согласно которому... человек свободен в том случае, если он может жить согласно тому пониманию свободы, которое принято в его обществе. И наоборот, нельзя представить себе эффективный мировой порядок, если он не поощряет свободного развития личностей членов конституирующих этот порядок сообществ». Действительно, сама концепция прав человека является продуктом христианской европейской культуры, более того, она возникла внутри протестантской ветви христианства. Последователи католичества восприняли эту концепцию далеко не сразу, а в рамках православной субкультуры и сейчас ведутся острые дискуссии о приемлемости общепризнанных универсальных норм прав человека, выдвигаются собственные трактовки прав человека. И это только внутри христианской культуры. В мире же существуют и иные религиозные системы, такие как ислам, иудаизм, буддизм и т.д. Насколько оправданно навязывать порождение одной из культур остальным? Если же уйти от такого навязывания, то не будет ли это помогать сохранять свою власть различного рода авторитарным и тоталитарным диктаторам в самых разных странах мира?

Вторая проблема, на которой я остановлюсь в этом тексте, — это отсутствие сегодня ясного понимания сути обсуждаемой

концепции – о каких правах человека мы говорим? Выше уже упоминалась позиция «правозащитного фундаментализма», в соответствии с которым подлинными правам человека являются лишь только права «первого поколения», права, о который говорится в Международном Пакте о политических и гражданских правах. Действительно, для реализации государством этих «фундаментальных» или «негативных» прав требуется лишь наличие у этого государства «доброй воли».

Тем не менее, сегодня уже и в процессе деятельности Европейского суда по правам человека в Страсбурге, работающего на основе Европейской концепции по правам человека, посвящённой в основном именно политическим и гражданским правам, всё сильнее становятся голоса в пользу того, что государство должно защищать и позитивные права человека, социальные, экономические и культурные права, находить для этого средства и возможности. Что же касается глобального уровня, то Международный пакт об экономических и культурных правах был принят Генеральной ассамблеей ООН одновременно с Международным пактом о политических и гражданских правах, то есть в 1966 г. Вместе с тем здесь возникает уже проблема «дистрибутивной справедливости» – за счёт кого мы должны поддерживать малоимущих жителей?

Наибольшие проблемы возникают, на мой взгляд, с «третьим поколением» прав человека, или с так называемыми групповыми правами. Кто является субъектом прав человека – исключительно индивиды или индивиды и группы? Могут ли права народов рассматриваться по аналогии с правами человека? Правомерна ли «позитивная дискриминация», т.е. предоставление дополнительных возможностей для реализации своих прав группам, которые находятся в наименее благоприятных условиях? Не является ли она нарушением самой идеи прав человека? Известно также, что многие правозащитники, например, Марек Новицкий, считают неоправданным вообще говорить о коллективных правах человека. Они считают, что правильнее говорить о нарушении прав конкретного индивидуума в связи

с его принадлежностью к определённой этнической или социальной группе.

Наконец, есть и такая точка зрения (холистская), что само деление прав человека на поколения – это реликт «холодной войны». Такая позиция основывается на пункте 5 Декларации Всемирной конференции по правам человека в Вене в 1993 г.: «Все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны. Международное сообщество должно относиться к правам человека глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием».

Мне кажется, что возможно и не стоит добиваться согласия по поводу поколений прав человека, достаточно просто признать, что есть разные точки зрения на этот вопрос, так же, как и на некоторые другие вопросы, связанные с темой прав человека. Этот же подход может оказаться полезным и при анализе развития самого правозащитного сообщества – а именно, признать наличие в нём различных групп, объединённых тем не менее общим уважением к категории «права человека».

Правозащитники и правозащитное сообщество

Прежде всего, попробуем дать определение самому понятию «правозащитник». Самое краткое определение этого понятия мы можем найти в Википедии, оно же повторяется и в других словарях.

Правозащитники – это люди, занимающиеся общественной деятельностью, заключающейся в защите прав человека мирными средствами, как правило, от произвола государственных структур или должностных лиц.

На сайте «Закон и правопорядок» представлено следующее определение правозащитных организаций, которое представляется мне вполне адекватным:

Правозащитные организации (ПО) – это особый вид негосударственных неприбыльных организаций, деятельность

которых направлена на утверждение и защиту прав и свобод человека, эффективный контроль за их соблюдением государством, его органами и должностными лицами. ПО содействуют уменьшению организованного насилия, осуществляемого государством.

Для этого они работают одновременно в трёх направлениях:

- Защита прав человека в конкретных случаях (эта помощь должна быть бесплатной для заявителя), общественные расследования фактов нарушений прав человека государственными органами.
- Распространение информации о правах человека, правовое воспитание.
- Анализ положения с правами человека.

Мне представляется, что при этом общем знаменателе внутри сообщества правозащитников могут существовать подгруппы, объединённые своим пониманием самого понятия «права человека». Например, «правозащитные фундаменталисты», признающие правами человека лишь первое поколение этих прав, могут быть отнесены, условно говоря, к правым либералам политического спектра, для которых ценность свободы стоит выше ценности справедливости. Правозащитники, признающие как первое, так и второе поколения, осознающие важность как свободы, так и справедливости – условно говоря, ближе к левым либералам. Те же правозащитники, для которых приоритетом является равенство прав не отдельных людей, а тех или иных социальных, этнических, гендерных и иных групп, – ближе к идеологиям социализма, мультикультурализма, феминизма и т.д., что не мешает им быть до некоторой степени членами одного сообщества с левыми и правыми либералами.

Общим для всех подгрупп правозащитников остаётся представление о правах человека как об основной ценности возникающей сегодня глобальной юстиции, или мирового права, стоящего выше суверенитета отдельных государств.

Почти двадцать лет тому назад мне уже пришлось предложить вариант классификации российских правозащитников, выделяя среди них несколько типов. Рассмотрим, насколько предложенная тогда классификация работает сегодня.

В качестве *первой группы* я выделял тогда правозащитников с «до-перестроечным» стажем, тех, кто выступал за соблюдение прав человека ещё в советское время, и, соответственно, подвергался за это репрессиям. Это, бесспорно, «золотой фонд» российского правозащитного движения, люди, в большинстве своём служащие камертоном и для других правозащитников, и просто для российских граждан. Проблема сегодня в том, что с ходом времени эти люди стареют и, к глубокому сожалению, покидают этот мир. Их становится всё меньше и меньше.

Отмечу здесь, что уже тогда, двадцать лет тому назад, при обсуждении тезисов того текста, Л.М. Алексеева предложила выделить в этой группе две подгруппы – истинных правозащитников, для которых приоритетом была и остаётся защита прав конкретных людей и продвижение прав человека, и тех противников советской власти, кто избрал правозащитное движение как форму антисоветской деятельности.

Сегодня я бы охарактеризовал вторую из этих подгрупп как более политизированную часть правозащитников, для которых само взаимодействие с лидерами авторитарной власти становится неприемлемым. Л.М. Алексеева, напротив, была ярким представителем минимально политизированной подгруппы правозащитников-ветеранов.

Вторая группа – люди, пришедшие в правозащитное движение во время перестройки или вскоре после её окончания. Как правило, они были активными участниками политических клубов 1987-1988 гг., а затем членами Народных фронтов в поддержку перестройки, были, наряду со «старыми» правозащитниками, учредителями движения «Мемориал». В начале же 90-х годов они, в отличие от большинства своих товарищей по Народным фронтам, не ушли в политические партии, а со-

знательно избрали для себя деятельность в правозащитных организациях, и к концу 90-х годов приобрели уже солидный опыт деятельности в этом направлении.

Именно правозащитники этой группы сегодня стали основой российского правозащитного движения, они получили важный опыт деятельности вместе с правозащитниками первой группы, во многом «пропитались» от них моральными принципами работы и просто жизни. Одновременно, многие из них стали хорошими менеджерами своих организаций, научившись работать и жить в условиях резкого снижения ресурсной базы, в условиях роста негативного отношения к их деятельности и власти, и части населения.

В качестве *третьей группы* были описаны правозащитники, представляющие собой самовозникающий, или «grass root» уровень. Это были, как правило, обычные люди, не участвовавшие ранее в демократическом движении, но столкнувшиеся с нарушением прав человека на конкретном примере (часто на собственном примере или на примере своих близких) и сумевшие защитить нарушенные права. Очень часто эти люди продолжают свою деятельность по защите нарушенных прав других граждан, становясь своеобразными «народными» адвокатами. Этот тип правозащитников двадцать лет тому назад был наиболее массовым, я писал, что они составляли основу правозащитного движения в нашей стране.

Сегодня ситуация, на мой взгляд, изменилась, и этот тип участников правозащитного движения существенно сузился. Это связано, на мой взгляд, как с уходом из нашей страны различных иностранных фондов, так и с изменением общей атмосферы российского общества, ростом высказывания отношения власти к правозащитникам как к представителям «пятой колонны». Эта группа осталась, но существенно поредела.

Двадцать лет тому назад представители *четвёртой группы* правозащитников по своему происхождению были весьма близки к представителям второго типа, но, в отличие от послед-

них, в начале девяностых годов они принимали активное участие в создании и деятельности политических партий и движений, таких как «Демократическая Россия», «Демократическая партия России», «Свободно-Демократическая партия», «Республиканская партия» и т.д. Впоследствии они «не вписались» в первый или во второй эшелоны российских политических партий и постепенно возглавляемые ими партии, движения и их региональные отделения оказались «на обочине» политического процесса. В этой ситуации некоторые из этих лидеров решили перейти «играть на другое поле» – из политики в сферу правозащитного движения.

Эта группа участников правозащитного движения уменьшилась ещё сильнее, чем предыдущая, третья группа, и связано это было с тем, что все, кто мог, уже перешли в сообщество правозащитников еще в 90-е годы. Новых «бывших политиков» так и не образовалось – прежде всего из-за процесса резкого сужения самого поля политических партий в первом десятилетии этого века.

К правозащитникам *пятого типа* были отнесены активисты различных неправительственных некоммерческих организаций (НКО) или, иначе, организаций третьего сектора, которые в ходе решения задач своих НКО приходили от понимания необходимости защиты прав своих членов к пониманию важности защиты права как такового и важности контроля над действиями самого государства. Эта группа существует и сегодня, причём примерно на том же уровне (по сравнению с третьей и четвёртой). Здесь появилось пополнение правозащитников не столько через НКО, сколько через участников движения наблюдателей за выборами, возникшего в 2011-2012 годах и продолжающего оставаться значимой силой и сегодня.

Шестую группу тогда составили молодые юристы, часто ведущие собственную юридическую практику, но часть своего времени уделяющие участию в работе правозащитных организаций, например, бесплатно ведя конкретные дела или оказывая консультационные услуги. Приступив к работе как професси-

оналы-юристы, они вскоре увидели, что без изменения отношения к закону самих представителей власти у нас не может быть правового поля для работы квалифицированных юристов. Некоторые из них, вовлекаясь в деятельность правозащитных организаций, начинают чувствовать уже гражданскую ответственность за происходящие события, сближаясь тем самым с правозащитниками второго типа, но отличаясь от них высоким профессионализмом в юриспруденции.

Этот тип правозащитников, или правозащитно ориентированных адвокатов, существует и сегодня, по крайней мере, в крупных российских городах. Ярким примером такого типа может служить петербургский адвокат Иван Павлов, который с 2004 по 2014 год возглавлял Фонд «Институт развития свободы информации», а после признания фонда «иностранным агентом» создал неформальное объединение юристов и журналистов «Команда 29», которая занимается защитой права граждан на информацию в судах и ведёт просветительскую работу, публикуя на своем сайте материалы о государственной закрытости и юридические инструкции для граждан.

Двадцать лет тому назад я выделял ещё три группы «квази-правозащитников», сейчас среди них осталась только одна — имитационные структуры, либо созданные при поддержке власти (как, например, правозащитное движение «Сопrotивление» Ольги Костиной, которое в течение ряда лет было оператором президентских грантов по теме прав человека), либо созданные инициативно, но на определённом этапе переставшие критически оценивать какие-либо действия власти (как, например, Московское бюро по правам человека Александра Брода) Показательно, что Ольга Костина, и Александр Брод входили в состав Общественной палаты РФ, а Александр Брод в 2012 году был включён в состав Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека особым распоряжением В.В. Путина после объявленной им (Бродом) голодовки.

Таким образом, из выделенных ранее шести групп правозащитников сегодня остались в основном вторая, пятая и шестая группы.

В заключение отметим ещё одну особенно тревожную с точки зрения развития российского правозащитного движения тенденцию, выявленную в ходе реализации нашим СПб гуманитарно-политологическим центром «СТРАТЕГИЯ» трёх проектов с общим названием «Развитие конструктивного взаимодействия государственных и негосударственных правозащитных организаций» в Северо-западном (2014), Центральном (2015) и Приволжском (2016) Федеральных округах (при поддержке президентских грантов). Одной из главных тенденций, выявленных в ходе этих проектов, было достаточно серьёзное снижение количества правозащитных организаций во всех субъектах РФ, изученных в ходе проекта (за исключением г. Москвы).

Краткие тезисы дискуссии, состоявшейся 1 июля 2019 г. в Москве в рамках второго заседания семинара «Права человека – XXI век»

Сергей Кривенко

Мы продолжаем дискуссию, начатую на первом семинаре, который состоялся 9 апреля 2019 года. На данном семинаре мы хотим построить разговор вокруг следующей темы: *«Все ли права человека равны и неразделимы, или существует иерархия прав человека?»*

Конечно, это тему необходимо рассматривать в широком аспекте как связанную с вопросами самоидентификации правозащитного сообщества и стратегиями правового просвещения.

Александр Сунгуров

Идея семинара – найти время для обсуждения того, что мы думаем по поводу основ, теории прав человек. Что стоит за тем, что мы понимаем под «поколением прав человека»? Первое поколение прав человека, социально-экономические права, можно ли говорить о коллективных правах, – разговор об этом важен и необходим. Мы, люди, занимающиеся правами человека или думающие о правах человека, что мы понимаем под этим? Понимаем ли под этим мы разное? При этом понимаем ли мы различия понимания других? Уважение к мыслям другого? Среди участников семинара – и практики, и академические учёные. Ведь необходимо и дело делать, и осмысливать то, что делаешь. Этот семинар – это ещё одна попытка органи-

зовать диалог, который, конечно, всегда шёл, но его постоянно и надо продолжать. Надо понять, что нас теоретически объединяет, также понять различия в подходах.

Вводное выступление Валентина Гефтера

Сама идея семинара интересна тем, что встречаются академические учёные и практические правозащитники. Это и трудность, но и из этого можно извлечь искру.

Так как я сочетаю в себе обе эти ипостаси, я попытаюсь сосредоточиться на том, что права человека — это и исследовательская дисциплина, а не то только то, чем занимаются правозащитники. И в ней, как в исследовательской дисциплине, я выделяю три основные вещи. Первое — это объект исследования. То, что мы называем Правами Человека и о чём мы сегодня будем говорить. Второе — как этот предмет описывается исследователями, какими методами, каким инструментарием. И третье — кто и как занимается уже на практике применением этого знания о правах человека, т.е. правозащитное сообщество.

Что такое правозащита? Это совсем не защита людей, защитой людей занимаются адвокаты в судах. А мы защищаем две вещи: предмет нашего исследования — Права Человека и Верховенство Права. Очень удачно, что в русском слове «правозащита» так и получается — защита права. Очень важно, что мы — правозащитники — должны быть связаны с защитой Права и Правами Человека. Я понимаю под «Верховенством Права» две базовые вещи, без которых вообще не существует реализация прав человека — их соблюдение, защита, восстановление и т.д.

С одной стороны, «Верховенство Права» — это инструмент и процедура. Право без правил и процедур не существует. А с другой стороны, «Верховенство Права» — это арбитр, система, которая позволяет оценить те или иные действия в политической плоскости, в общественной жизни. И это означает, что Право вне политики и над политикой — в широком смысле слова

Что же такое «Права Человека»? С моей точки зрения, за последние 75 лет произошло опасное явление. Это почти нео-

граниченное расширение понятия прав человека. Как объекта и предмета нашего изучения. И есть разные попытки ввести это определение «в берега» и разобраться, что такое права человека в исходном смысле слова (или в желательном), а что привнесено за эти 75 лет, начиная с Всеобщей декларации прав человека. С моей точки зрения, те права человека, которые используются в обоих международных пактах, разбиваются на некоторые группы, категории прав и свобод, которые перечислены во второй главе Российской Конституции.

Я выделил 4 больших группы. Первую категорию я назвал антропные (это рабочее определение) — по тому принципу, что это самые фундаментальные, самые имплицитные, исходные права, которые принадлежат каждому человеку с его рождения, независимо ни от чего, независимо от времени и пространства, в силу его биологической природы, хотя, конечно, элементы социальности там тоже есть, и их там довольно много. Вторая группа — это гражданские и политические права, которые, как и следующая категория, появляются только тогда, когда мы рассматриваем человека в обществе и государстве. Третья группа, которую выделяет наша Конституция, — это так называемые «судебные права» (право на защиту, право на доступ к правосудию, равенство перед законом и т.д.). Но поскольку правосудие — инструмент общества, то это, безусловно, не личные права. И четвертая группа — это те права, которые, с моей точки зрения, больше относятся к законным интересам, права, связанные с экономикой, культурой, окружающей средой и т.д.

Конечно, это не абсолютное деление. Например, с моей точки зрения, к антропным правам следует отнести такое право, как «лишение свободы только по закону», но мой критик может отнести это право в третью категорию. И тому подобное. Но для меня очень важно было выделить первую категорию — права, связанные с личностью «человека разумного», с его природой, не только потому что это настоящие права, а все другие ненастоящие. Конечно, это не так. Все права настоящие. Но все-таки в узком смысле это права личности, права индивида, они имплицитны природе человека.

Homo sapiens не отрываем от этих прав, которые даны ему от Бога, от природы. Для меня это важно.

Я хочу подчеркнуть, что такое разбиение совсем не означает, что есть права разных поколений, разных сортов, разной важности, и чего-то ещё. Совсем это не означает.

Наоборот, это разбиение подчеркивает их разную природу, разное происхождение, но не делит их по важности и «сортности».

Разбиение на поколения – в наше время проблема ложная. Это разбиение связано с историей вопроса. Очень часто история исследования заменяет природу исследования, которое мы изучаем.

Но вот когда мы говорим об универсальности прав человека, например, в связи с мультикультурностью, для меня очень важно, что универсальными по-настоящему являются только права первой категории. Универсальными – с точки зрения того, что они присущи каждой человеческой личности. Все остальные права – гражданско-политические и далее по списку – это права, связанные с общественным договором, с той или другой социально-экономической ситуацией, с тем или другим местом во времени и пространстве, когда эти общества договаривались о своем понимании прав человека. И поэтому для меня они относительны. Не в том смысле, что они хуже, но что они зависят от конкретных условий.

Все права 2, 3 и 4 категорий зависят от времени и пространства, от сообществ, в которых они реализовывались.

Ещё замечание о коллективных и групповых правах. Понятно, что в моём подходе коллективных и групповых прав нет. Это вообще не права, а законные интересы того или иного сообщества, которые регулируются в нормативном смысле. Отдельных таких прав по природе своей не существует. Существуют, с моей точки зрения, только права индивидуума. И конечно, во второй категории есть защита от дискриминации по групповому признаку, тому или иному. Но важно, что защита от дискриминации, является правом личности. А когда мы начинаем говорить про права меньшинств, тех или других сообществ, то это не коллек-

тивные права, а законные интересы.

Когда мы говорим про Право, систему институтов права, норм, обычаев, всего того, что мы называем Правом, оно распространяется на все права. Все процедуры, которые, собственно, являются сердцевиной права, Верховенства Права, они все распространяются на права всех категорий. Они не могут и не должны выделять какие-то преференции какого-то права. Право – это то поле, в котором соблюдаются, защищаются права всех категорий.

Поэтому в правозащитной практике для меня нет деления на менее защищаемые или более защищаемые группы прав или категории прав. И в этом смысле мнение Льва Левинсона о том, что многие забыли о социально-экономических правах, с точки зрения теории ниоткуда не следует. Это просто есть факт нашей биографии как правозащитников.

Лев Левинсон

Права не только не делятся на поколения, но деление прав – это в корне ошибочный подход. Почти любое право амбивалентно, и включает в себя не только составляющую личных прав, политических, гражданских, но и социально-экономических и так далее.

Что касается коллективных прав. Свобода вероисповедания – это и личное право, но и коллективное право, так как верующий не мыслит себя как единица. Настоящий воцерковленный верующий – часть целого, и его преследуют не за то, что он плохой человек, не за то, что именно против него есть какие-то основания для преследования, а просто потому, что он часть этого сообщества. И он не просит, чтобы его защищали как личность. Как личность он, может быть, готов страдать, на крест пойти. То есть, это и личное право, и коллективное право.

Перейдём к социально-экономическим правам. Валентин Гейфтер говорит об антропных правах. Но право на хлеб, право на то, чтобы есть? Оно что, не такое же врождённое и присущее человеку право?

Право на жизнь от смерти на войне. Право на жизнь – первое право и в Пакте, и в Декларации. Но его же нельзя сужать только до отказа от смертной казни. В мире погибают ещё от смертной казни, но в сравнении с голодом и войной, количество погибших от смертной казни – ничтожное. Сам принцип запрета смертной казни – священен. Но не менее священное право у человека – дышать, питаться, работать по 8 или 6 часов в день, а не по 12. И увязывать эти права с обусловленностью экономического уровня кажется странным. Тем более что сюда попадают экологические права, трудовые, имущественные, которые никак не зависят от экономического уровня развития государства.

Законные интересы и права. Как различить? Ведь это просто вопрос терминологии. Культурные права, свобода творчества. В мировом правозащитном сообществе исторически сложился определённый подход к правам – очень условный, обусловленный либеральными ценностями. Но мы должны защищать не либеральные ценности, а права человека.

По поводу имущественных прав в их историческом генезисе. Право собственности сейчас защищается. Это личное право? Это политическое или экономическое право?

Французская Декларация прав человека и гражданина говорит о праве каждого на собственность. А не о праве собственности, которая якобы священна сама по себе. Мы молимся собственности, как чему-то самодостаточному. Но собственность важна только в том смысле, в каком она принадлежит людям.

И в заключение. О защите людей. Почти все здесь сидящие имеют практику полевой работы – защиты прав граждан. Но если бы вдруг все люди в обществе отказались от защиты прав человека в пользу хлеба, твёрдой власти и т.д., то правозащитники, если они остались бы, всё равно должны были бы защищать права человека. Потому что «права человека», с моей точки зрения, это не прикладная какая-то вещь к людям. Это самодостаточная ценность, которую надо защищать. Это цивилизационная ценность. Это тот плод западной, христианской культуры, которую мы должны защищать, независимо от того,

как к этому относится общество, любит оно правозащитников или не любит.

Вячеслав Бахмин

Прежде всего, что касается базовых, природных прав человека. Здесь возникает много вопросов по этому поводу. В частности, вот есть права этого голого человека. А кто их защищает, и вообще, кто-нибудь их защищает? Иногда сам человек их не осознаёт, а если защищает, то только потому, что хочет выжить. И у этого голого человека, несомненно, есть право на собственность. Потому что шкура ему нужна, иначе он просто замёрзнет. И если у него кто-то эту шкуру будет отнимать, он будет за неё драться. Но на этом уровне никаких прав не возникает. Права возникают, когда человек начинает рассматриваться как субъект и когда в обществе появляются некоторые надстройки, которые эту субъектность гарантируют и защищают. А до этого — никаких прав нет. В таком обществе люди просто живут и выживают. Поэтому что такое природные права? Мы можем в них верить. И это вопрос веры, а не доказательств каких-то.

Индивидуальные и коллективные права. Я вообще сторонник ценности права, независимо от того, будет это право реализовываться или нет, вот как об этом сказал Лев Левинсон.

Я скорее фундаменталист и тоже верю в необходимость защиты права, хотя понимаю, что это дело скорее безнадежное.

Безнадежное потому, что в нынешние времена коллективные права, которые мы отрицаем, стали гораздо более сильными и важными, и на них основывается большинство политик, которые существуют в мире. Именно потому что сейчас коллективные права гораздо сильнее, их легче услышать, они объединяют, с их помощью легче добиться своего. Вы вспомните, например, США, которые были основой индивидуальных прав человека. Сейчас про них там все забыли. Сейчас политическая корректность играет большую роль, чем конкретные права конкретного человека. Именно потому, что коллективные права стали гораздо большей силой, чем личные и индивидуальные права. Кроме того, если мы посмотрим во всех

государствах: как только дело доходит до практики применения именно индивидуальных прав, от права на жизнь до права на собственность, то появляется куча оговорок. И мы видим, что эти права на практике ограничены именно интересами безопасности, общественными интересами и так далее. Право на свободу слова имеет ограничения – посмотрите, во всех конвенциях есть оговорки – если оно не противоречит безопасности, законам и т.д.

Получается, что коллективные права, права государства, права крупных групп, гораздо важнее, чем права конкретного человека.

Мы скоро окажемся маргинальными, если мы будем защищать только индивидуальные права – они мало кого сейчас интересуют.

Права основаны на таких личных характеристиках, как достоинство человека, свобода человека и недискриминация. Это базовые вещи, которые лежат в основе индивидуальных прав человека. Теперь мы видим, что в современное время, все эти три вещи – это объект манипуляций. Очень легко ими манипулировать, особенно с учётом новых информационных технологий и новых возможностей влияния на психологию человека и даже на его мозги. Человек может воспринимать себя свободным, будучи несвободным и т.д. Это ещё одна проблема, которая касается прав человека. Какие права мы защищаем? Мы защищаем права, в которые мы верим, но в которые сам человек может не верить и не считать, что они ему нужны? Мы будем защищать его права насильно?

Возникает много вопросов. Но я фундаменталист и считаю, что права человека имеют самостоятельную ценность, за которую стоит бороться и которую стоит отстаивать.

Александр Верховский

Я не буду повторять тезисы уже представленного текста о «правозащитном фундаментализме», а отреагирую на сказанное.

Права человека формировались исторически, и это не только про последствия Второй Мировой войны, но про прежние

времена. Упомянутая Декларация, принятая на подъёме Французской революции, отсылала не к каким-то абстрактным рассуждениям о собственности, а полемизировала со средневековыми отношениями собственности, которые были достаточно актуальными во Франции, но которых сейчас больше нет. Поэтому мы должны опираться не столь уж буквально на то, что где-то когда-то было написано. Мы определяемся со своим представлением о правах человека, и отсылки к классикам тут недостаточно помогают. Определяясь с собственным представлением, что есть права человека, стоит понимать, что это не вытекает из какой-то общепринятой теории, это скорее предмет веры. Соответственно, предметом веры являются, в частности, прозвучавшие сегодня различные представления о разделении прав человека и групповых интересов (и понятно, какую позицию здесь поддерживаю я).

Ещё хотел бы отреагировать на текст Александра Сунгурова по нескольким пунктам.

В тексте есть замечание о смешении в какой-то момент прав человека и политики. Я бы хотел сказать, что этот момент ещё не закончился и не может закончиться, потому что это всегда очень близкие вещи. И всегда на границе между ними происходят разнообразные коллизии.

Но в одном месте я очень против — по поводу соотношения различности культур и универсальности прав человека. Это тоже предмет веры (хотя многие социальные учёные с такой оценкой не согласятся). Сам я отношусь к тем людям, которые больше верят в научные теории про стадии развития, чем в теории про уникальные культурные особенности. Соответственно, я не думаю, что могут быть разные права человека для разных «цивилизаций», а может быть только неравномерный процесс освоения понятия прав человека, причём процесс этот политически мотивированный и потому очень разнообразный. Права человека очень историчны, потому что, когда мы говорим про права человека, это всегда речь про какие-то социальные отношения. У «голового человека» не было прав человека, потому что не было социальных отношений в том смысле, как мы их пони-

маем сейчас. И все перечисленные в заметках Валентина Гефтера права категории «А» в давние века совсем не признавались как таковые именно потому, что за личность не признавалась достаточная степень автономности.

Про групповые права. Я понимаю, что есть люди, для которых их групповая идентичность важнее, чем их индивидуальная самость. Таких людей много, а раньше было ещё больше. Вопрос в том, как другие люди, для которых это не так, должны к этому относиться? С моей точки зрения, они должны к этому относиться как к личной особенности этих других людей, наряду с иными их личными особенностями. У других людей всегда есть личные особенности, и это не влияет никак на ценности того человека, который их — и людей, и особенности — оценивает. Потому что это ценности внутри него, а не внутри того, кого он оценивает. Да, у всех свои проблемы. Некие другие люди могут испытывать трудности именно при ущемлении их коллективной идентичности, а мы можем защищать их права в их индивидуальном качестве — и в этом смысле нет никакой проблемы со свободой совести, если мы сами определяем свободу совести как свободу совести индивида. Здесь я исхожу из того, что human rights присущи индивиду и только индивиду (включая, конечно, права людей, находящихся в каких-то очень специальных ситуациях, или людей с ограниченными возможностями). Групповые права — это вообще никакие не права. И не только потому, что это интересы, а ещё и потому, что они — в чистом виде политика. Только что Вячеслав Бахмин нам это показал на примере Америки. Это то, что называется identity politics (политика идентичности или политика управления идентичностью). Как и любая политика, политика идентичности имеет отношение к правам человека, но не в том смысле, что она их представляет, а в том смысле, что она на них влияет. И замечу, далеко не всегда к лучшему. Потому что политика идентичности риторически строится на приравнивании, например, «не того» цвета кожи к инвалидности, что, по меньшей мере, граничит с расизмом, да и в политической практике ведёт к расистским выводам, да и к иным чрезмерным ограничениям прав человека. И имеет с моей точ-

ки зрения большой смысл установить дистанцию между собой как правозащитниками и этой формой политики.

Валентин Гефтер

Я считаю, что права человека защиты в человека так же, как скажем, частица в микромире.

Электрон существует, но выясняется, что он существует, когда есть внешний наблюдатель, который может видеть, что происходит с электронами. Так и тут. Права человека защиты не нами, не потому что мы о них говорим, а они существуют без нас. Но следует признать, что они проявляются в нашем взаимодействии, только в обществе, только в социуме.

Александр Верховский

Очень короткий ответ Валентину Гефтеру. Если говорить про аналогию с электроном, то у электрона есть две наблюдаемые величины – координата и скорость, которые, как известно, невозможно определить точно, в соответствии с принципом Гейзенберга. Так вот – координаты и скорость – суть наша математическая модель, а не имманентное свойство электрона. Вот то же самое относится к правам человека. Права человека – это социальная модель, пристроенная к этому «голому человеку».

Олег Орлов

Я совершенно согласен с Александром Верховским и с теми, кто говорил о том, что права человека – это некая вещь, которая возникла на определенном этапе развития человечества, и благодаря этому развитию. Потому что человек, как коллективное существо, может осуществлять развитие своего социума. Поэтому то, о чем говорит Гефтер – права «голого человека» на «голой земле», конечно это метафора. Да, можно их отнести к правам «А», но это то, что перечислено в статье 56 Конституции РФ, то, что называется «неотъемлемые права». неотъемлемые в том смысле, что есть масса прав – право на свободу слова, например, которое может быть ограничено в соответствующих условиях, например в условиях чрезвычайного положения. А вот не-

отъемлемые права, даже в условиях чрезвычайного положения не могут быть никак ограничены. Это право на запрет пыток, свободу от дискриминации, право на жизнь и ряд других прав.

Возникает вопрос о тех правах, которые Валентин Гефтер отнес к последней категории, так называемых социально-экономических прав. На мой взгляд — это не права.

Вот например, статья 40 Конституции Российской Федерации — «каждый имеет право на жилище». Что это такое? И дальше — «никто не может быть произвольно лишен жилища». Вторая фраза дополняет первую, не разъясняя ее. И ее можно трактовать как запрет произвола к любому имуществу человека. Любому, хочу подчеркнуть. Но это сформулировано в статье 35 Конституции; «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда» и т.д. Зачем тогда жилище выделять в отдельную статью? Не понятно. И остается непонятным, что такое право на жилище? Каждый имеет право на то, чтобы государство обеспечило его жилищем?

Вот право на жизнь — понятно. Оно должно быть обеспечено социумом, должно быть обеспечено государством. Или «запрет пыток». Безусловно этот запрет должен быть обеспечен государством. Но как государство может обеспечить право на жилище, если есть другое право — на свободу передвижения.

Тут либо свобода передвижения, либо казарма, в которой каждому будет обеспечено право на жилище. Если право на жилище означает запрет произвольного изъятия жилища, то это определяется через другие права.

Также совершенно не понятно так называемое право на благоприятную окружающую среду. Это наши экологи, друзья и коллеги наши, борются за реализацию этого права как права n-какого-то поколения. Но как это можно определить, это право на благоприятную окружающую среду?

Тем более право на творческую деятельность и развитие личности.

Честно сказать, это бесконечное расширение прав, выхолащивает саму идею защиты прав человека. Мне кажется, надо определиться. Вот такие-то нормы — это права. Это мы можем

защищать и мы должны на этом сосредоточиться. А другое – это социальные гарантии государства, включая и достойный уровень заработной платы, которые зависят от уровня развития экономики в нем и от много чего ещё. За них призваны бороться профсоюзы, экологи и другие объединения граждан.

Я экологов очень уважаю и готов всячески поддерживать. У них есть права – право выйти и осуществить демонстрацию на улице, есть право свободы слова, право на получение информации. Эти права создают возможность для их борьбы за благоприятную окружающую среду. Но когда настолько расширяется сфера, и это все называется правом, то такой подход только пугает нас и человеческое сообщество.

Наталья Евдокимова

Давайте начнём с того: право человека в социуме или личное право голого человека? Конечно, права человека – это права человека в социуме, а не голого человека. Согласна с теми, кто говорят, что само понятие права формировалось цивилизационно при развитии человеческого общества. И на разных стадиях его развития были разные права, и были разные права у разных людей. И сейчас у нас не единое сообщество на Земле, и разные права защищены законодательством, и не только законодательством, но и обычаем. Разные права на Земле.

Теперь как защищать права человека: индивидуально или нет? Все говорят, что экологические права – это уже четвертое поколение... А вот возьмем Свидетелей Иеговы. Мы защищаем здесь права одного человека на то, чтобы он исповедовал эту религию, или права сообщества людей?

Дальше. Индивидуум имеет право на выражение своего мнения, даже если оно не совпадает с «генеральной линией партии». Но большинство не принимает этого и говорит полицейским, оцепляющим митинги: «Спасибо, что вы нас от этих митингующих защищаете». Люди не принимают, что другие могут говорить лозунги, которые хотят говорить, нести те плакаты, которые хотят нести. Когда я говорю с простым человеком о защите прав человека, он не понимает о пра-

ве как об отдельной ценности, ему нужно, чтобы я защитила его конкретное право в данный момент. Больше его ничего не интересует.

А теперь о самых фундаментальных правах. О праве на жизнь. Но если есть право, должны быть и коррелирующие с ним обязанности. Вот посмотрите: смертная казнь — это обязанность государства не казнить.

А право на жильё? В северных районах отсутствие жилья — это угроза жизни. На медицинское обслуживание? Не будет медицинского обслуживания — заболеешь и умрёшь. Значит, обязанность у кого-то должна быть, чтобы тебя лечить.

На окружающую среду? Если мы дышим тем, чем дышим, — это тоже покушение на нашу жизнь. На неучастие в войне? Есть такое право? Нет такого права. Право на отсутствие голода? Может, в нашей стране нет постоянно голодающих, но в других странах они есть. Право на аборт? Есть мнение, что это покушение на жизнь, правда, не понятно, на чью. На социальное обеспечение? Если ты денег не можешь заработать, значит, ты тоже не сможешь жить. Это я к чему говорю? Даже фундаментальное право всё равно связано с другими, оно не может быть оторвано. Нет абстрактного права на жизнь. Есть право на жизнь, которое должно быть обеспечено. Кем, когда, для кого — вот в этом вопрос.

Лада Бурдачёва

У меня сложилось впечатление, что, когда мы говорим о правах человека, мы забываем, говорим ли мы только об одной территории или условно обо всём мире.

Я очень благодарна Александру Верховскому за его текст с определением правозащитного фундаментализма, в котором подчеркивается, что права человека — важнейшая составляющая жизни каждого человека на планете Земля.

Мы в Международной школе прав человека и гражданских действий взяли три документа, которые подписаны многими государствами: Всеобщая Декларация прав человека, Европейская конвенция и Пакт о гражданских и политических правах. И посмотрели, что в них пересекается. Этот список получился

очень небольшой — около 15 прав. Не все из них хорошо обеспечиваются, это понятно. Но если мы говорим о том, что важно, чтобы у каждого человека на планете Земля был некий минимум, то у нас получился такой список, который мы условно называем фундаментальными или базовыми правами человека. С моей точки зрения, без них никакая защита прав человека невозможна. Мне не очень близка риторика про поколения прав человека. Поколения часто воспринимается как дискриминирующее определение. Поэтому мне не близка сама терминология, хотя я понимаю необходимость некой приоритизации.

Ещё хотела отметить, что если уж мы разбираем исторический аспект, то, к сожалению, это понятие «каждый человек» в историческом аспекте было прописано только как «белый человек», ни в коем случае как «женщина», «ребёнок» или «чернокожий»... И в этом смысле говорить, что всегда права человека существовали, мне кажется странным, потому что важна развилка: мы говорим про каждого, кто рожден на планете Земля, или про какую-то отдельную категорию. И в этом смысле многие из социально-экономических прав часто принадлежат только какой-то категории, группе людей, которые только этим признакам соответствуют. И, конечно, хочется, чтобы были сообщества, которые защищают разные права. Правозащитное сообщество не может справляться со всеми вопросами, которые возникают, и важно, чтобы были группы людей, защищающие разные права.

И я присоединяюсь к мнению, что, если размывать контексты, если всё укладывать в понятия фундаментальных прав человека, то тогда, к сожалению, мы не сможем защитить. Важно определение, что есть группа людей, которая занимается фундаментальными правами и свободами, есть группа людей, которая занимается социальными, экономическими правами, и это хорошо.

Дмитрий Макаров

Мне близка мысль о том, что права человека основаны на тех идеях, которые всегда были присущи человеческой культуре:

идеи свободы, справедливости, ценности человеческого достоинства... Даже в тех условиях, когда вокруг людей дискриминировали по самым разным признакам, так или иначе этот посыл существовал. Другой вопрос, можем ли назвать это правами человека. Всё-таки, помимо идеи ценностей, которые являются часто предметом веры, права человека — это не только про веру, это ещё про конкретную договорённость, в том числе, заключённую в правовые документы. Я согласен с тем, что правозащитник — это про защиту Права. Вот Право нам и говорит о том, что права человека — это набор договорённостей, закреплённых в определённых документах. Набор этих документов не очень велик. И возникли они относительно недавно. И нужно, конечно, говорить, что эти договорённости возникли в результате тысячелетней борьбы людей за свободу и справедливость. Они возникли в результате многолетнего развития философской мысли, которая облачала эти стремления к свободе и справедливости в конкретные дефиниции. Можно говорить, что они возникли вследствие потрясений Второй мировой войны. Но о правах человека как о феномене мы можем говорить с 1948 года, когда появилась Всеобщая Декларация прав человека, и затем появлялись другие документы, закрепляющие договорённость как обязательства государства.

Лада Бурдачёва уже говорила, что в Международной школе прав человека и гражданских действий, часто отвечая на вопрос о том «а что такое права человека и сколько их вообще», мы попытались понять, а по поводу каких прав есть конвенциональная договорённость? Оказалось, их всего 15. По их поводу можно спорить. Но, говоря об этом небольшом списке прав человека (можно называть их фундаментальными правами, базовыми — как угодно), мы говорим о трёх основаниях попадания прав в этот список:

- Универсальный характер договорённостей. Речь идёт о трёх ключевых документах: Всеобщая декларация прав человека, Европейская Конвенция, Международный Пакт о гражданских и политических правах, который рати-

фицировали 173 государства. Можно, конечно, к этому приписывать и Международный Пакт о социально-экономических и культурных правах, который тоже ратифицировали 170 государств, но с этим есть сложности.

- Далее, помимо универсальных договорённостей, необходим чёткий стандарт толкования применения этих прав, так как, когда мы говорим о праве на жилище, хотелось бы понять, а что это означает? Это право на минимально доступный шалаш где угодно? Или вилла на Лазурном берегу? Я очень симпатизирую борьбе за экономическую и социальную справедливость, но непонятно, какие стандарты этой социально-экономической справедливости мы можем назвать универсальными договорённостями. И, когда мы смотрим конкретно на Пакт о социально-экономических и культурных правах, мы видим, что 170 государств его ратифицировали. Но когда мы пытаемся понять, а сколько государств не просто продекларировали это как ценности, к которым нужно стремиться, но и закрепили хотя бы какие-то механизмы защиты, мы видим, что количество таких государств ничтожно мало.
- И третье основание квалификации: права должны быть обеспечены реальными механизмами защиты. И если в отношении гражданских и политических прав с определёнными оговорками о таких механизмах говорить мы можем (это не только Европейский суд и Комитет по правам человека, юрисдикцию которого признало 116 государств), то в отношении социально-экономических и культурных прав мы о такой универсальной договорённости говорить не можем. Речь идёт всего о 24 государствах, признавших юрисдикцию Комитета по социальным, экономическим и культурным правам, то есть даже не о четверти всех государств, существующих в мире. В этом смысле, как бы мы ни считали важными права так называемого, следующего поколения, по поводу них нет

универсальной договорённости ни о толковании содержания, ни о применении, и нет закреплённых механизмов защиты. В этом смысле они остаются прекрасной декларацией о том, куда нам как человечеству нужно стремиться.

Если мы будем руководствоваться, о чём говорил Валентин Гефтер, не академическими конструкциями, которые ввели этот термин «поколений», говорили о неделимости прав, ссылались на какие-то конгрессы ООН, которые признавали равенство всех этих поколений, а будем ориентироваться на практику, то увидим, насколько тяжело было достигать этих универсальных договорённостей. В конце концов, Пакты появились в 1966 году, а вступили в силу в 1976 году. То есть, это совсем недавняя история, считанные секунды в контексте всей мысли человечества о свободе и справедливости. И мы видим, какое количество последующих документов появляется в отношении гражданских и политических прав: например, на пространстве Совета Европы, помимо Европейской Конвенции, действуют десятки других документов, которые углубляют те или иные права. В отношении экономических, социальных и культурных прав, мы, к сожалению, не можем сказать, что так уж мы сильно продвинулись в достижении единых стандартов и более реальных механизмов защиты.

И, конечно, список этих базовых, фундаментальных прав, он, на наш взгляд, может расширяться при соблюдении этих условий: должны быть чёткие стандарты и должны быть механизмы обеспечения этих прав на универсальном уровне. Понятно, что ряд государств шагнул далеко вперед и могут себе позволить и по экономической составляющей, и в силу идеологического, политического выбора обеспечить гораздо больший набор прав своим жителям. Готовы ли они обеспечить такой же набор прав всем людям, находящимся на территории своего государства — это большой вопрос, даже в случае с гражданско-политическими правами.

Людей определяет принадлежность к какой-то нации, к какой-то группе, к какой-то религии или принадлежность к че-

ловечеству. Очень мало людей готовы считать, что принадлежность к человечеству является определяющей, даже в условиях универсального признания прав человека. Какое количество наших сограждан готовы признать даже право на образование, которое является фундаментальным, базовым правом, за детьми иммигрантов? Даже по этому праву, в отношении которого есть универсальная договорённость, у большинства населения превалируют совершенно иные соображения, чем соображения гуманизма. Что же тогда говорить о праве голоса на выборах или каких-либо социальных правах? Даже самые продвинутые государства не готовы расширить социальные гарантии, которые они предоставляют своим гражданам, на всех жителей этой территории. И в этом смысле об универсальности мы говорить не можем.

Замечание о дискуссии про абсолютные, неограниченные права, которые не могут быть ограничены ни в каких условиях. Юристы считают, что в целом есть два права, которые не подлежат ограничению ни в каких условиях. Можно сослаться на Конституцию России или на Европейскую Конвенцию. Это право на свободу от пыток и право на свободу от рабства. Но даже если мы посмотрим на эти права, мы видим, как они нарушаются сплошь и рядом. И когда людей пытаются, то это не называют пытками, а говорят об усиленных методах допроса, а когда людей заставляют принудительно работать, это называют принудительным трудом заключённых, а не рабством, хотя границы между этими понятиями очень зыбки, и, на мой взгляд, это нас возвращает к первому тезису – речь о договорённостях. Неограниченность права, абсолютность права – это договорённость: прогрессивная часть человечества считает, что ни при каких обстоятельствах пытать нельзя. Они об этом договорились. Но это не означает, что пытки прекратились. Задача правозащитников – двигать этот стандарт дальше, чтобы часть других прав тоже получили своё закрепление как универсальный стандарт на глобальном уровне и были обеспечены реальными механизмами защиты.

Мы можем говорить, с определённой долей условности, про большой набор тех прав, которые не подлежат ограниче-

нию ни при каких условиях. Мне бы хотелось, чтобы часть социально-экономических прав, как уже упомянутое мной право на образование – начальное и среднее, признавались как универсальные права, доступные всем людям без исключения (например, вне зависимости от гражданства). Но пока человечество, к сожалению, об этом не договорилось.

Михаил Мизулин

То, что говорил Валентин Гефтер, чрезвычайно серьёзно в связи с тем, что в наших профессиональных головах, особенно юридических, не понимается фенологическая пространственная значимость критериального аппарата. На территории страны не проделана та колоссальная работа, которую проделал католический латинский мир, который все категории и понятия в пространство и время поставил правильным образом. Там нет такого детерминизма, где в одной каше смешались свобода-справедливость, права человека и права. Всё это разное, и всё это проставлено в пространстве и времени правильно, идентично и в соответствии с эпохами и временами. И в этом смысле то, что говорит Валентин Михайлович, я прекрасно понимаю, в том смысле, что права человека – это права человека, это не право. А уж право, если через верховенство права – это одна из гарантий обеспечения прав человека. Конечно, ответ на этот вопрос дал Гарольд Берман в своей фундаментальной работе «Западная традиция права», где он объяснил, что великая папская католическая революция XIII века, осуществляя реконструкцию и переосмысление традиции римского права, расставила все эти позиции на свои места. Я даже не знаю, сколько семинаров надо провести, чтобы поставить исходные базовые категории мышления про права человека и про право на свои места, но заявка Валентина Гефтера заслуживает всяческой поддержки, потому что без чистоты категориального мышления вся остальная работа для всех, кто рассуждает на тему различения Права и Прав Человека, бессмысленна. Я имею в виду не цитирование проделанной работы в Европе, США, в том числе и в России, в Конституции, в Декларации, в пактах, документах ЕС.

Это, собственно, наша субъективная фенологическая работа, которая именно понятийным образом должна быть проделана.

Собственно, в истории нашей мысли это делали многие. Мне на память приходит Павел Флоренский, который в своей работе «Имена» чётко и ясно сказал, что право, в отличие от прав человека, появляется с именем. Наше имя, как только его начинают коверкать, входит в право как инструмент кого-чего защиты от нарушения. Эту работу проделал Сергей Андреевич Муромцев, блестяще зная римское право и гражданское право, первый председатель Государственной Думы. Эту работу проделал Мишель Фуко, который написал, что право всегда нас спасает от ненормальных, потому что нормальному человеку право не нужно. И в этом смысле нормальный человек — носитель права как прав человека, а не права как юридической конструкции. И так далее можно продолжать. Но это серьёзная и важная работа.

В том случае, если наступают ненормальные, конечно, европейская цивилизация и мы вслед за ней встаём в позицию верховенства права. И здесь я хочу сказать второй тезис — что произошло после 9 апреля, нашего первого семинара? Событий достаточно много. На первое место я бы поставил Санкт-Петербургский юридический форум и выступление председателя правительства Д.А. Медведева, который показал огромную юридическую работу, которую аппарат правительства, вся юридическая корпорация, ассоциация юристов и так далее проводит. Но, при всём уважении к заявке на этом форуме, там нет различия божественного закона, естественного права, и там нет понимания закона как юридической конструкции, с которой вся корпорация будет работать в ближайшее время. Мой прогноз достаточно пессимистичен: корпорация государства будет двигаться исключительно к оформлению интересов новых форм капитала и новых форм бизнеса, в лучшем случае, для богатых людей и только. И ни о каких там правах коллективных и ни о каких индивидуальных, персональных, личных вообще не может быть и речи, потому что связка всей право-юридической государственной корпорации настолько сильна, что надо переходить к третьему тезису.

Что в этой ситуации делать? В прошлом году был потрясающий семинар, который организовал Александр Сунгуров, и там у меня был доклад о том, что расставлять все понятия на свои места можно только из политического пространства. Все эти вещи в реальной politic, и в этом смысле правоприменительный правопонимательный процесс. Я написал программу, которую буду вести с сентября в дистанционном режиме, о постановке политического мышления. Те, кто дойдёт до конца, с правильным политическим мышлением смогут расставлять правильно категориальный ряд прав человека и верховенства права.

Александр Сунгуров

Несколько тезисов:

Право и права человека. Гигантская проблема возникает в нашем языке, потому что одно и то же слово обозначает и Право и Права Человека. Human rights – это права человека, а право (закон) это the law. И это разные вещи. Но при этом вторая вещь – это то, что право – это совокупность законов, а законы творят люди, на то уполномоченные. Для меня было некое открытие, лет 10 назад был форум социологов в Барселоне, в программе было написано «основные тенденции становления европейского права». Я ждал, когда начнут обсуждать документы европейского права. Были доклады юристов, которые рассказывали свои точки зрения о том, как можно понимать происходящий процесс. Я спрашиваю председателя, а когда будет про европейское право, а он мне: вот оно и есть, оно так и рождается, мы его и творим, а кто ещё? Для меня это был шок. И возвращаясь к нашему сообществу. В Питере проходила конференция конституционалистов по экономическому конституционализму, где под словом «экономика» понимали не только экономику, но и другие аспекты жизни. И там говорили о праве, в основном как раз в приоритете прав человека, но не только, что и как происходит в судах и так далее. Там шесть членов КС выступали. Но там реальные правоведы, для которых Конституция – это не просто бумага, а это действительно ограничение исполнительной и законодательной власти в результате соблю-

дения определённых принципов. И вот эти два потока, как мне кажется, должны пересечься. Потому что есть некая глобальная правозащитная сеть, равноуровневая, которая общается между собой и думает о будущем, и рождает то самое будущее глобального права. Сейчас всё больше людей, которые забыли про войну и понимают, что это нормальный способ согласования интересов государства – использование риторики прав человека. Но есть корпорация, для которой это по-прежнему важно.

Что касается поколений. Мало кто знает, что есть даже автор термина «поколение прав человека». Это некий человек, который возглавлял в ЮНЕСКО отдел по правам человека. В конце 70-х-начале 80-х годов, когда стали готовиться к юбилею Великой французской революции, он предложил, что так же, как лозунг Великой французской революции «Свобода, равенство, братство», и права человека можно выделить по этой же самой категории: свобода – личные и политические права, равенство – социально-экономические права, а братство – это третье поколение – коллективные права. Правда, лет через 15, во время Всемирной конференции ООН по правам человека в Вене в 1993 году, приняли резолюцию, что все права едины, их надо рассматривать в комплексе и не выделять никаких поколений. С тех пор профессора, авторы учебников по правам человека, говорят, что говорить о поколениях – это пережиток холодной войны, мы после резолюции 93 года не можем использовать эту терминологию. Это своеобразный позитивизм, легализм внутри науки о правах человека.

Теперь всё же о различиях. Мне кажется, что за каждой из позиций, которые прозвучали в тезисах, стоит взгляд на мир, который может быть описан той или иной идеологией как некий системный взгляд на мироустройство и принципы жизни. Один из них – это либерализм в чистом виде, который понимает под человеком свободного индивидуума, а в теории рационального выбора подразумевает чистый, принципиальный эгоизм, думает только о собственной выгоде. Либерализм в таком плане переходит в либертариизм в экономическом плане, где свобода рынка превыше всего и всё, что ограничивает её – опасно. Это вот

одна линия в мире. Вторая линия связана с работой Роулса как теоретика, который сделал очень простую вещь. Он сказал: завеса в неведении. Представьте, что вы родились, вы не знаете, кем вы оказались. Любых людей собери за столом, они не знают, кем они окажутся после рождения. Они могут быть богатыми, бедными — кем угодно. И в этой ситуации спросить их: надо ли часть общественного блага распределять между теми, кто оказался в самом большом проигрыше? По мнению Роулса, люди всегда скажут «да», потому что они сами могут оказаться в ряду проигравших. Отсюда идёт обоснование прав экономических. Здесь возникает много проблем: что такое дистрибутивная справедливость, как сделать так, чтобы люди не жили на этом и т.д. Отсюда мы выходим на социализм с человеческим лицом и на тех, для кого сообщество, коллектив — значимое явление.

Важно думать о будущем. Если человек не думает о будущем, то интересы будущих поколений не входят в планы его рассуждений. Тем более что возникают всякие гигантские проблемы: когда одни начинают думать о будущем и вводить налоги на плохой бензин, как во Франции, то возникает движение «жёлтые жилеты». Если мы не будем думать о будущем, то мы будем жить в этом. Проекция в будущее крайне важна даже при всех наших убеждениях. Более того, думать о будущем всерьёз могут как раз, наряду с разными типами учёных, именно правозащитники.

Правозащитники традиционно думали о будущем. Наличие людей с наиболее выраженным либеральным, либералистским воззрением, с уважением к определённым правам коллектива и равенства, общее участие в деле защиты прав человека и общий риск, который был всю дорогу, помогут совместить в этих мыслях о будущем одну точку зрения и вторую. Отсюда ещё вытекает уважение друг к другу. И в отличие от других сообществ, которые думают по-разному, здесь оно по определению присутствует, потому как делается общее дело. Нужно развивать и отрабаты́вать аргументы в пользу одного, второго ...

Насчёт коллективных прав у меня самого большое сомнение, потому что часто это используется этническими интерпринерами, которые могут говорить от имени сообщества. Но с другой

стороны, про то, что это только в племени каком-то остались люди, для которых общность выше, чем индивидуальные ценности, — поезжайте на Кавказ, к тем людям, которые не учились в Москве и Питере, и спросите их. Конечно, это против современных воззрений. Но если мы будем это не уважать или не учитывать контекст, то мы можем получить совсем не тот результат, какой хотелось бы: идеи были хорошие, а вот народ подкачал. В этом плане важно понимать, что происходит, а для этого надо понимать чувства разных сообществ.

Олег Орлов

Я снова вернусь к тому, о чём говорил. Мне представляется крайне неконструктивным и непродуктивным бесконечное расширение наборов прав человека и бесконечное расширение толкования отдельных прав человека, которые кодифицированы, всеми признаны, в частности «права на жизнь».

Я, конечно, полностью «за», чтобы думать о будущем. Я за социальное государство. Я за то, что богатые должны делиться с людьми из наиболее незащищённых слоев.

Но зачем все эти замечательные и правильные идеи объединять под общей шапкой «права человека». Получается, что «права человека» — это всё хорошее против всего плохого. Мне такой подход кажется неконструктивным. Отсюда, Дима, наш заочный спор с вами. Я не понимаю, что такое «право на образование». Я понимаю это право как нечто, что нельзя государству ограничивать. Вот, например, хочет человек учиться, а ему говорят: «Нет, Ты учиться права не имеешь». Но это не право, а запрет произвола. А если вы трактуете это право как обязательное предоставление возможности человеку получить среднее образование, то это социальная гарантия. На мой взгляд, права человека возникли на определённом этапе развития общества, и возникли как противовес государству.

Права человека — это инструмент для человека, отдельного индивида, с помощью которого он может защититься от произвола государства. И там, где есть человек и давящее его государство, вот там возникают права человека.

Права человека – это про то, что ограничивает государство в отношении меня. Не то, что государство обязано мне дать, предоставить. Это социальные гарантии. А вот права – это знак, что сюда государству соваться нельзя, оно не имеет права со мной это сделать.

И если так понимать права человека, то тогда можно во всем мире, независимо от степени социально-экономического развития, богатства или бедности страны, требовать и настаивать, что вот эти права человека должны быть обеспечены. А как можно требовать предоставления среднего образования на каком-то приемлемом уровне во всех странах, когда мы знаем ряд стран, где граждане могут получить только начальное образование.

Это невозможно, чтобы права человека были обеспечены или не обеспечены в зависимости от того, насколько богато государство. Поэтому я решительный сторонник нерасширения прав человек и отнесения социально-экономических прав, включая замечательное право на образование, в систему социальных гарантий. Давайте социальные гарантии выработать, будем стремиться, чтобы они были, но при этом понимать, что это не права человека.

Второе. Про право на жизнь. Вот здесь прозвучало: из права на жизнь можно вывести множество следствий – человек должен быть обеспечен хлебом – независимо от того, работает он или нет, больной или не больной, или не хочет работать. Но хлебом изволь его обеспечить. Ровно так же и жилище. Как же без жилища на севере? Умрёт же человек. И всё это выводится из права на жизнь. Но ведь право на жизнь – не про это.

Международный Пакт: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека, это право охраняется законом, никто не может произвольно быть лишён жизни».

Право на жизнь – это запрет произвольного лишения жизни, а не о том, что государство обязано сделать всё, чтобы человек, независимо от его образа жизни, обязательно жил.

И в замечательной Конвенции: «право каждого на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишён жизни, иначе как во исполнении смертного приговора».

Потом европейские страны пришли к соглашению о запрете смертной казни. Но это соглашение между ними, между такими продвинутыми странами. Но изначально и в Европе право на жизнь — это запрет произвольного лишения жизни государством.

Если бандит на улице убивает человека, то это не нарушение права на жизнь. Это преступление, за которое бандит должен понести соответствующее наказание. А вот если это сделал полицейский, то это нарушение права на жизнь.

Дальше есть целый ряд перечней. Война. Да, развязывание агрессивной войны — это преступление. Но как таковую войну никто не отменил. Существует международное гуманитарное право. Это прекрасная, но и страшная вещь. Ведь это про правила войны, про то, как можно и как нельзя убивать. То есть, в рамках этого МГП есть понятие легитимного убийства — во время войны.

Ян Рачинский

Как всегда, этот разговор вышел далеко за рамки обозначенной темы. Мне кажется, включать в сегодняшнее обсуждение специальные ситуации вроде войны — ненужным образом затуманивать обсуждаемый вопрос.

Возвращаюсь к вопросу о происхождении прав человек и поколениях прав человека.

К сожалению, никаких скрижалей с этими правами мы не получили, и шансов их обнаружить нет. Говорить о том, что человеческое достоинство было изначально присуще человеку — это некое благожелательное восприятие истории человечества.

Возьмите хоть Ветхий Завет, хоть Новый: там много сюжетов, которые с человеческим достоинством никак не согласуются. Поэтому речь должна идти о другом.

Про коллективные права. Мне кажется, что никаких коллективных прав не может быть. Например, ситуация в России со Свидетелями Иеговы — это нарушение прав отдельных людей на вероисповедование и права на объединение. Оба этих права индивидуальные, именно поэтому мы их и защищаем.

Базовые права – это права негативные. Вот есть некоторое право – и коллектив, хоть государство, хоть общество, не должен ущемлять его. Вот о чём права человека. Этим права человека и ограничиваются, потому что все остальные, вообще говоря, основываются на них.

Все социальные права основываются на том, что права трудящихся можно защищать, потому что есть свобода выражения мнений, и все прочие прописанные базовые права. Они важны, но они производные от базовых прав, именно поэтому эти права являются правами второго поколения.

Эти права были подняты в статусе, потому что была холодная война. Советский Союз известными путями давления на разные страны третьего мира хотел получить инструмент для предъявления претензий капиталистическим странам. Потому что обычная демагогия СССР и Советского блока была о том, что у нас социальные права защищены, у нас все имеют работу, жильё и т.д. Именно этим объясняется уравнивание этих поколений прав.

И последнее, чем на мой взгляд стоит руководствоваться при отнесении прав к тому или иному поколению. Базовые права – это права, защищающие обратную связь. Человеческое сообщество, как сложная система, не может существовать без обратной связи. И все эти права – и право на жизнь, и право на выражение мнения – они защищают возможность для этой сложной системы сохраняться и развиваться. Это и объединяет базовые права первого поколения. И если думать о расширении базовых прав, то надо оценивать и с этой точки зрения: влияют ли они на систему обратной связи.

А дальше, на основе базовых прав, те или иные социальные гарантии могут внедряться. Но и это проблематично. Допустим, право на среднее образование. В маленькой деревне и в Москве качество его различно. Каким образом обеспечить одинаковое качество? Очень затруднительно. Поэтому такие социальные гарантии остаются не более чем благопожеланием. Поэтому как позитивное право, оно не более чем договорённость на основании прав первого поколения.

Лада Бурдачёва

Если мы говорим о необходимости включения молодёжи в работу по правам человека, то она вряд ли строится только через то, чтобы рожать детей и тем самым это будет её вклад в думу о будущем и о правах человека.

Мне кажется, что мне не очень удалось донести идею о пересечении списка прав.

Мы пытались оставить права, которые являются общими везде. И вопрос о праве на образование стоял в той плоскости, что оно не входит в это пересечение, оно относится к социальным правам, хотя и является очень важным правом. Если человек не умеет читать и писать, то о какой защите можно вести речь? Как минимум, чтобы пользоваться инструментами защиты, надо обладать неким базисом для того, чтобы это делать. И как раз в силу сложности обеспечения этого инструмента, достаточный уровень среднего образования ещё не достигнут во всём мире.

Дмитрий Макаров

Я хочу возразить на некоторые прозвучавшие здесь тезисы.

По существу, я согласен с общим пафосом выступления правозащитных фундаменталистов, которые здесь прозвучали, что расширять права человека — это контрпродуктивно. Более того, в основе, конечно, лежит запрет на государственное насилие, запрет на государственный произвол, все эти негативные барьеры. Права человека, как щит, придуманный человечеством, должен защитить конкретного индивида от возможного произвола власти.

Но если мы не хотим скатываться в «правочеловечный позитивизм» и хотим, чтобы юридическая и правовая мысль, правозащитная мысль двигались в сторону развития, мы неизбежно уходим в сторону не только негативных обязательств, т.е. «свободы от», но и в сторону позитивных обязательств государства.

Когда мы говорим о праве на жизнь, закреплённом во всех основополагающих документах, мы говорим не только об обязанности не убивать, но мы говорим об обязанности государства расследовать убийство. То есть, говорим о некоторых позитивных обязательствах, которые разные инстанции, толкующие

международные документы о правах человека, налагают на государство. И если право не обеспечено механизмами защиты, то оно не совсем универсальное право, оно декларативное.

И вот ЕСПЧ, размышляя о праве на жизнь, к такому выводу и приходит: право иллюзорно, не только если оно не обеспечено обязанностью государства воздержаться от определённых действий, но и если государство не предпринимает определённых шагов для того, чтобы это право защитить. Право на справедливый суд, например, вообще-то стоит дорого. Обеспечить людей бесплатной доступной юридической защитой стоит дорого. Обеспечить суды, сделать их доступными для всех, в том числе для жителей удалённых регионов и людей с ограниченными возможностями, стоит дорого.

Но тем не менее, это обязанность государства. И в этом смысле неправильно говорить, что право на справедливое судебное разбирательство – это право воздержаться от неправосудных судебных решений. Это ещё и обязанность создать нормально функционирующую судебную систему. А это зависит от экономического развития государства.

В этом смысле мы не можем скатываться совсем уж в позитивизм и говорить, что фундаментальный набор прав человека подразумевает только негативные обязательства.

На мой взгляд, сложился общий консенсус, что система прав человека, в том числе, требует от государства неких расходов, дополнительных вложений, требует определённых усилий.

И когда мы говорим про право на образование, Европейская конвенция как раз право на образование формулирует негативным образом – никому не может быть отказано в праве на образование – толкуя это, в том числе, в прецедентах ЕСПЧ, как право на среднее образование. Не на высшее, не на дошкольное, а именно как на базовое начальное среднее образование. Не более того. Но это европейский консенсус, на международном уровне такого консенсуса нет, хотя ООНовские структуры постоянно пытаются про это говорить.

Точно так же государство при осуществлении функций в области образования уважает право родителей обеспечи-

вать образование и обучение, которое соответствует их религиозным и философским убеждениям. Существует запрет, на основании права на свободу совести, предписывать те или иные формы обучения. То есть, опять формулируется через негативное право.

Речь не идёт о том, чтобы каждому обеспечить бесплатное место в университете, а речь идёт о минимальном наборе вещей, которые, конечно же, связаны с тем, что общество должно быть заинтересовано, чтобы граждане были грамотными и чтобы неграждане тоже имели доступ к такой важной услуге, как образование.

Эта вся дискуссия про образование в нашем кругу возникла благодаря коллегам из «Гражданского содействия», которые давно ведут борьбу за то, чтобы в московские школы принимали детей мигрантов. Это как раз прикладной аспект. Именно они обратили внимание, что в европейском контексте правовая правозащитная мысль идёт в сторону расширения государственных обязательств, в том числе на эту важнейшую сферу – важнейшую в том смысле, что человек, который не умеет читать и писать, не очень эффективно сможет защищать и отстаивать свои права и интересы.

Последняя мысль по поводу Международного гуманитарного права. И в МГП, и в правах человека, есть соблазн скатиться в такое узкое толкование о том, что эти отношения регулируют только отношения государства и индивида.

МГП рождалось из посыла, что надо ограничить власть человека с оружием убивать, как ему захотелось, издеваться, как ему захотелось, над военнопленными, над мирным населением, хоть как-то ограничить эту власть. В дихотомии «власть и индивид» МГП играет очень важную роль, потому что оно ограничивает власть насилия. Но это не только военнослужащие конкретного государства. Ополченцы, например, в Абхазии, ДНР, ЛНР и т.д., которые не признаны международным сообществом, они, тем не менее, обладают реальной властью. И хоть как-то ограничить их произвол совершенно необходимо. И МГП худо-бедно этот произвол ограничивает в универсальных масштабах.

Могут ли права человека как чуть более широкие гарантии защиты от произвола распространяться на негосударственные субъекты — это очень интересный вопрос. Это тоже предмет будущих дискуссий.

И здесь, конечно, надо говорить не про государственную власть, а про всласть в целом. Потому что источником власти, в нашем меняющемся мире, могут быть самые разные субъекты. Так, корпорации не меньше государств иногда вмешиваются в частную жизнь. И вопрос в том, как их заставить взять на себя те обязательства, которые государства добровольно или в силу общественного принуждения взяли на себя в 1948 и других годах?

Валентин Гефтер

У меня несколько замечаний.

Я решительный противник привязывания прав человека к государству. Не потому, что государство главный нарушитель прав или права человека возникли в силу договорённости между государствами. Это спор фундаменталиста с позитивистом. Позитивисты исходят из того, что государства сформулировали в современном виде, приватизировали и используют идеи прав человека, привязав их к себе. Моя же аксиома состоит в том, что права человека, как и сам человек, возникли до государства.

Даже когда в середине прошлого тысячелетия у Гоббса, у Локка возникали идеи о правах человека, на половине земного шара вообще не было никаких государств.

Я понимаю вашу привязанность к позитивным обязательствам государства, к той тематике, которая шла от социальных проблем. Но права человека в том их фундаментальном понимании, о котором я настаивал, — это неотъемлемые у человеческого индивида права, в том числе и государством, но и не только, а также другими сообществами.

И вот тут я согласен с Яном. Он правильно подчеркнул одну вещь, которую не мы первые, конечно, обсуждаем. Что первичные, можно сказать, антропные права — это права в первую очередь негативные. И неотъемлемые, их никто не может отнять — ни государство, ни какое другое сообщество, ни Господь

Бог. Единственное ограничение этих фундаментальных, этих антропных прав, состоит в том если их реализация нарушает такие же права другого индивида.

Право на жизнь. Вот в чём его смысл как первичного и фундаментального права? А в том, что никто, кроме самого человека, не может отнять у него это право.

Государство учится регулировать реализацию этого права, отказываясь от смертной казни, осуждая войны как способ действий. Но само право существовало до всяких государств и всяких сообществ. И единственное, что может человек, — это сказать: «Да, я хочу отказаться от жизни».

Или право на жилище, право на собственность. Но нет таких в фундаментальных правах. Но есть право на неприкосновенность и неотъемлемость права собственности. Человек должен обладать правом на собственную жизнь и правом на собственное тело. Но у нас такое право даже не сформулировано и не урегулировано.

Олег Орлов

Тут прозвучало, что неправильно противопоставлять права человека только государству.

Но мы можем слово «государство» заменить на слово «власть», которая власть де факто. Тогда в это можно включить и парамилитарные образования, и корпорации...

Лев Левинсон

Олег Орлов совершенно правильно говорил, что суть системы прав человека — защита человека от произвола государства.

В этой связи вопрос. Вот был российский долг Всемирному банку и другим международным организациям. И был государственный долг гражданам в виде дореформенных сбережений, которые были утрачены. Государство выплатило полностью внешний долг международным организациям и ничего не выплатило гражданам. А вся работа по восстановлению сбережений граждан была прекращена. Так вот, когда государство ограбило собственных граждан, это о правах человека или нет?

Олег Орлов

Не знаю, надо подумать.

Вероника Каткова

Я по поводу права на образование. Я поддерживаю Дмитрия Макарова и считаю, что это действительно фундаментальное право, потому что человеческая личность, возникнув на этой Земле, не может существовать без развития. Ей нужно понимать, как устроен мир, как ей взаимодействовать с другими людьми, поэтому право на образование – это то, что поможет человеку сориентироваться в мире. И государство обязано сделать эти первые шаги, и это есть именно позитивное право, позитивные обязательства государства. Многие страны уже поняли, что самое главное – это человек, и вкладывают средства в человеческий капитал. С 1948 года мир очень изменился. Тогда самое главное было – накормить и обууть-одеть человека и сделать так, чтобы он не умер от болезней. А сейчас совсем другие задачи. Сейчас развитие человека диктует, чтобы право на образование вошло в перечень фундаментальных прав. Без этого человек не сможет жить в современном мире, не сможет развиваться и т.д.

Скандинавские страны пошли дальше и задали вопрос, а может ли человек обладать достоинством, если он бедный. Если он не может позволить себе какие-то элементарные вещи, если он нищий. И они ответили, что нет. Человеческое достоинство должно подкрепляться определённым материальным положением. Все эти идеи и практики (например, эксперимент в Финляндии с выплатой пособий всем) двигают и формируют мечту, каким быть человеку в будущем, как он будет развиваться. И я думаю, что всё, что касается развития человека, касается фундаментальных прав.

Леонид Петрашис

Нарушить права человека может только тот, кто их обязан защищать. Но и права человека – это не некий стимул, который даст нам счастье, благополучие, даже справедливость. Они даже их не гарантируют.

В прошлый раз мы говорили о том, что права человека больше всего нарушаются в таких ситуациях, когда человек находится во власти государства, например, в местах лишения свободы.

Но сотрудники ФСИНа часто говорят: «Если все будет чётко выполнять закон, тогда не нужно вообще говорить о правах человека». Главное — соблюдать закон. Так ли это?

Александр Верховский

Тут неожиданно вышли на тему негосударственных субъектов власти как предмета, по отношению к которому надо определять права человека. Мне кажется, что это такая огромная тема, к которой надо подступаться с большой осторожностью. Потому что если сравнить власть ЛНР и дирекцию «Фейсбука», то и те, и другие обладают огромной властью, но совершенно разной, и касаются совершенно разных прав и в разных степенях.

И не могу отойти от темы групповых прав и прочей идентичности. Мы снова возвращаемся к аргументу о важности этой групповой идентичности или на примере верующих, или на примере группы «народы Северного Кавказа». И вот что можно сказать о групповых правах членов этой группы, граница которой, заметим, нечётко определена? Явно имеется в виду что-то, что существует помимо членов этой группы (если только не поверить в их «природные» общие качества). Но что это? На примере верующих: это их вера. Отсюда с неизбежностью вытекает концепция защиты догматики этой веры, символов этой веры или в самом мягком случае — религиозных чувств самих верующих. И в международном праве существует довольно прочный консенсус, по крайней мере на уровне экспертов, что ничего из этого не должно защищаться правом.

Говоря шире, не может и не должно быть такого «права человека», как право не быть обиженным, в том числе, например, в важных, безусловно, религиозных или ещё каких-то чувствах.

Александр Сунгуров

Первое. Силовиков можно вовлечь в обсуждение прав человека через обсуждение их прав, и тогда они начинают понимать эту тему.

Второе. А что же такое «имманентно присущие права человека»? Где, в каком-то органе человека, где эти права заложены? Права человека – это представление людей относительно того, что можно или нельзя делать с людьми. Вот откуда возникают права человека. И всё это развивалось постепенно, постепенно всё больше и больше расширялся круг людей, с которыми нельзя обращаться произвольно.

И сегодня, мы в том числе за этим столом, рождаем представления, что можно или нельзя творить с человеком.

И последний комментарий относительно Европейской конвенции и социальных прав. Я помню, как один из судей ЕСПЧ рассказывал на семинаре, по-моему, это было в 2002 году, относительно понимания и расширения содержания прав человека. Он рассказывал, что к ним поступило заявление от родственников одного жителя Варшавы. Ситуация следующая: у человека было плохо с сердцем, вызвали «скорую», «скорая» приехала через час, пока она ехала, он умер. Жалоба поступила на нарушение Европейской конвенции, права на жизнь. И он говорит, что ещё совсем недавно мы бы отклонили эту жалобу, а сейчас мы думаем. Не надо ли трактовать право на жизнь как обязанность государства обеспечивать, чтобы скорая могла доехать за короткое время?

Трактовка и понимание прав человека меняются, и занимается этим ЕСПЧ, и не только судьи, но и эксперты аппарата, но и также вольные эксперты. В том числе, и здесь: возникают и рождаются трактовки прав человека из нашего с вами понимания как экспертного сообщества.

Краткие тезисы круглого стола «Права человека и дисбаланс взаимной ответственности»

Круглый стол состоялся в рамках 8-й международной научной конференции «Октябрьские чтения-2019. Концепция прав человека в современном мире: теоретические основы и практики применения» (Санкт-Петербург, 17-19.10.2019), которую проводили департамент прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб, Исследовательский комитет №26 по правам человека Международной ассоциации политической науки (IPSA), Исследовательский комитет по правам человека Российской ассоциации политической науки (РАПН).

В работе круглого стола принимали участие политологи, социологи, юристы, эксперты, занимающиеся проблемой прав человека, а также специалисты, связанные с практикой их обеспечения и реализации: уполномоченные по правам человека, руководители общественных и волонтерских организаций. Для обсуждения участникам дискуссии был предложен ряд вопросов, таких как:

- оправдано ли выделение специальных институтов по соблюдению прав человека, наряду с институтами права, гражданского общества?
- возможны ли, наряду с правами человека, права отдельных социальных групп, «права культуры», «права религии» и т.п.?

- применима ли симптоматика институционального склероза к тенденции дивергенции прав различных групп населения?
- как может быть обеспечен баланс прав человека и ответственности?

Открывая дискуссию, её ведущий **Григорий Тульчинский** отметил, что институт прав человека, принятая ООН Декларация прав человека, ставшая частью Конституции (Основного закона) ряда стран, – великое достижение цивилизации. Однако сама концепция прав человека вырабатывалась в контексте морали и политической культуры либеральных демократий, основанных на предположении автономных – свободных и ответственных – членов социума. Между тем, для современной социальной жизни характерен ряд явлений, заставляющих обратиться к осмыслению и более глубокому пониманию оснований концепции прав человека. Прежде всего, это взаимные обиды и претензии отдельных лиц, групп, а то и народов. Организаторы выставок, постановщики спектаклей, писатели, журналисты совершенно неожиданно узнают, что их действия вызвали «оскорбление чувств» верующих, этнических, даже профессиональных групп, от имени которых выставляются претензии, заявления в правоохранительные органы, подаются иски в суды, а то и устраиваются погромы.

Целые страны обижаются на публикации карикатур, объявляют травлю их авторов, а то и охоту на них, оборачивающуюся кровавой бойней, как это было с журналистами французского сатирического еженедельника Charlie Hebdo. Ярким примером рессентимента является волна обличений в харассменте, поднятая в 2017 году некоторыми голливудскими актрисами и перекинувшаяся в корпоративные офисы, за год захлестнувшая западное общество. Вспоминаются объятия и поцелуи 40-летней давности, предъявляются иски на миллионы долларов, общественное мнение вынуждает отстранять от публичной деятельности актёров, режиссёров, продюсеров, менеджеров. В общественной морали и праве формируется необходимость

достоверно подтверждаемого предварительного согласия на любые проявления половой близости.

Известны случаи претензий родителям со стороны их первенцев, заявляющих, что рождение ещё одного ребенка без их согласия нарушает их права, и чтобы родители на их помощь «в этом проекте» не рассчитывали.

Думается, что все вышеприведенные примеры – следствия непродуманной гипертрофированной пропаганды прав человека без учёта роли и значения ответственности, что и стимулирует рессентимент, эгоцентризм, конфликты и агрессию.

Странную ситуацию создаёт и непродуманное педалирование развития «уполномоченных по правам человека». Создание таких должностей и их аппарата на содержании государственных и региональных бюджетов, с одной стороны, даёт возможность чиновникам отсылать ущемлённых в правах в специально созданную для рассмотрения таких обращений инстанцию, а с другой стороны – возможность синекур для «достойных людей». Что и произошло, например, в Российской Федерации. Несомненно, некоторые УПЧ относятся к этой работе очень ответственно, отдавая ей много сил, пытаясь участвовать в решении важных вопросов для судеб конкретных людей. Однако ситуация при этом вполне соответствует правилу «мало сделаешь – никто не заметит, много сделаешь – никто не похвалит». Получается, что всё сводится к личности УПЧ, становится делом их личного морального выбора и взятого на себя долга.

Более того, появились уполномоченные по правам бизнеса, уполномоченные по правам детей, уполномоченные по правам студентов. На очереди уполномоченные по правам женщин. И это в дополнение к уполномоченным по правам человека! Можно было бы ехидничать, мол, в этой ситуации получается, что, наверное, предприниматели, дети, студенты, женщины – не люди, если бы уже не обсуждался вопрос об уполномоченных по правам животных.

Складывается ситуация, когда благое начинание институционализации прав человека оборачивается «институциональным склерозом», о котором писал М. Олсон. Права человека предполагают взаимность – признание таких прав и за другими. Так же, как толерантность принципиально взаимна, а толерантность к нетолерантным оказывается социально деструктивной, так и права человека предполагают баланс взаимной ответственности, нарушения которого деструктивны.

Александр Балаян обратил внимание на роль цифровизации в контексте прав человека. Можно говорить о проблеме поколений прав человека, прошедших через кризис естественного права на частную жизнь к проблеме права на доступ к плюральной информации или доступ к интернету. Можно отметить, что ещё в 1990-х годах одним из важнейших было право на приватность, которое было непререкаемым и краеугольным камнем западной системы ценностей. Но с развитием цифровых технологий это право практически полностью утрачено, что оправдывается многими экспертами и общественными деятелями. Фактически, речь идёт о принятии абсолютной публичности, поскольку иначе индивид не может нормально существовать в современной цифровой среде. Таким образом, можно говорить о нехватке права на приватность. Свобода в демократических системах должна измеряться правом быть невидимым. Это как у Петера Слотердайка в его работе «Сферы» подчёркивается возможность в современном детерриторизованном мире формировать нечто вроде «Пузырей непрозрачности». Есть множество примеров, когда богатые люди делают всё, чтобы быть невидимыми, и считают это важной для себя ценностью.

Государства и бизнес-структуры навязывают безальтернативную модель включения индивида в цифровую среду и в общественной дискуссии преобладает позиция, что контроль неизбежен и лучше, чтобы он был со стороны частных структур, поскольку это безопаснее и не угрожает индивиду. Разумеется, данная позиция довольно сомнительна. Так, например, Яша Левин в своей работе «Интернет как оружие» отмечает, что невоз-

можно оторвать частное от государственного. Государственное надстроено над частным и разрывать их - это абсурд. Именно поэтому на первый план он ставит право не быть наблюдаемым, поскольку нужно вернуть публичному пространству возможность приватности. Примеры скандалов с такими компаниями, как Amazon, Microsoft, Facebook, Google, Airbnb, Uber, Samsung и т.д. позволяют нам увидеть, что крупный бизнес собирает информацию о пользователях открыто или, чаще всего, косвенно, чему способствует слабо защищённое программное обеспечение, «умная» электроника и интернет вещей. И эта информация может оказаться у кого угодно.

В авторитарных странах проблема проявляется в сознательном создании государством (при помощи квази-частных структур) цифровой инфраструктуры, которая используется для контроля над гражданами, отсечения их от «нежелательной информации» и их наказания (а в некоторых случаях – репрессий), что помогает автократиям сохранять свою легитимность или её видимость. Внедрение системы цифрового контроля, кроме Китая, идёт сейчас очень стремительно в Иране, Турции, на Филиппинах, в России и в целом ряде государств постсоветского пространства.

По мнению **Анны Гуриной**, современная коммуникация и цифровизация всех сфер жизни общества – от экономической и политической до образования и личной жизни – создали правовой разрыв между стремлением обеспечения безопасности посредством тотального контроля – с одной стороны, а с другой – прозрачности и доступности информации о каждой личности. И в этот разрыв проваливаются права человека, а социум превращается в подобие «Шоу Трумана», из которого, в отличие от фильма, выйти невозможно.

Ольга Попова отметила, что круг вопросов, связанных с обеспечением прав человека, постоянно возрастает. Особого внимания заслуживает проблема безопасности при развитии цифрового управления в государстве. Риски нарушения прав человека в связи с размещением его персональных данных

в онлайн-пространстве не могут рассматриваться как только техническая проблема. Неизбежно возникает вопрос о гарантиях права на конфиденциальность персональных данных, которые становятся доступными не только для властных структур, но и для других политических акторов, для организаторов коммерческого маркетинга товаров и услуг и т.д. Право на защиту персональных данных является фундаментальным, поскольку связано с правом на защиту частной жизни. Декларируемое законодателями право на частную жизнь и её неприкосновенность в современном мире достаточно эфемерно. Меняется время, само понятие человеческого, прав человека в условиях технологической революции 4.0. Мало кого из исследователей ныне смущает понятие цифровых прав человека (право на доступ к интернету, право на регулирование информации о себе, «право на забвение» и т.д.).

В современном мире государство в известном смысле претендует на присвоение понятия и логики прав человека, претендует на право изменения их трактовки. Российские юристы, занимающиеся этими вопросами, сетуют на отсутствие независимого института, который бы контролировал ситуацию с защитой персональных данных. Возникает ряд системных конфликтов с развитием цифрового правительства. Это и возможность несанкционированного использования личных данных без согласия человека, передача их «третьим лицам», отказ от обезличивания информации при использовании технологий больших данных для политических и маркетинговых целей, распространение устаревшей или недобросовестной информации о конкретной личности, нарушение границ личной жизни и т.д. Ситуация усугубляется ростом рисков тотального контроля, возможной утраты персональных данных, недобросовестного, а то и просто криминального использования этих данных. В ситуации широкой представленности в сети фейковой информации эти вопросы вырастают в существенную правовую проблему.

Насколько сами люди осознают подобные риски нарушения их прав? Пилотное исследование 2018 г. (анализировалось об-

ественное мнение жителей двух регионов – Санкт-Петербурга и Ленинградской области) и массовый опрос 2019 г. (10 регионов России с наилучшими показателями внедрения цифрового правительства) показали, что самую большую проблему наши граждане видят в тотальном контроле государства за каждым из своих граждан. При этом корреляция между осознанием этой проблемы и доверием к органам власти не обнаружена. Нуждается в дополнительной проверке гипотеза относительно влияния межпоколенческих и образовательных расколов общества на отношение к реально увеличивающемуся контролю над частной жизнью человека со стороны властных институтов, вне зависимости от типа политического режима государства. Почти 1/5 часть населения РФ не волнует тема «подглядывания» государства за своими гражданами. Вопрос о возможных рисках в исследовании задавался как открытый; полученные результаты подтверждают рабочую гипотезу о повышенной тревожности социума по поводу нарушения их прав на конфиденциальность персональной информации. В топ-лист вошли и такие проблемы, как риски утраты данных на электронном носителе с невозможностью их восстановления в условиях постепенного отказа от бумажных документов (около 2/3 респондентов), риски несанкционированного и бесконтрольного распространения личных данных и использования их в незаконных целях (более половины опрошенных). С одной стороны, исследователи видят достаточно высокие показатели тревожности граждан по поводу негативных эффектов формирования цифрового управления. С другой стороны, налицо достаточно узкое осознание этой ситуации, интерпретация её как рисков конкретного индивидуума, а не как системной проблемы нарушения прав человека.

По мнению **Валентина Гефтера**, электронная безопасность не имеет отношения к правам человека. Существует принципиальное различие к подходу к правам человека у юристов и правозащитников. Юристы работают в пределах действующего законодательства (национального и межгосударственно-го) – кроме тех, кто его нарушает из внеправовых соображений, а правозащитники ещё заняты поиском новых средств сохране-

ния человечности в человеке, его достоинства и ответственности перед своей природой и другими людьми со столь же неотъемлемыми естественными правами. Права человека — понятие не столько правовое, сколько экзистенциальное, т.е. основанное на уникальности бытия человеческой личности. Это ценностная «рамка» правоотношений между людьми, как бы периметр нашей человечности, за который невозможно перейти, оставаясь человеком. Что не исключает того, как на этом фундаменте выстраивается Право, которое своими институтами, практиками и юридическим инструментарием должно обеспечивать соблюдение и защиту конкретных прав и свобод, регулируемых через общественный договор в виде законных интересов людей и их групп.

С вышесказанным связаны различия между фундаментальными (естественными, неотъемлемыми, универсальными) правами личности и «договорными» правами, для которых хорошо бы придумать другое наименование, чтобы отличать одни от других. Первые жёстко привязаны к эволюции живого и имплицитны именно человеку разумному с выделяющим его мышлением и языком. Их «период жизни» во много раз превышает периоды действия договорных, содержание которых, их «география» для разных государств и регионов, меняются, возникают и исчезают в разные исторические эпохи.

Появление новых конвенциональных прав, особенность реализации законных интересов в цифровую эпоху без нарушения прав на частную жизнь и свободу коммуникации с другими людьми только подчеркивают их договорный характер и зависимость от развития общественных отношений. Не говоря уж о таких вещах как, например, право на безопасность или правду, которые отражают девальвацию понятия прав личности «экспансией» их в сферу социального — коллективной защиты от угроз этим правам или моральных устоев общества с его запросами на справедливость и равенство с братством.

И ещё... Право имеет приоритет против диктатуры закона. Если права человека как приоритет и точка отсчёта всей систе-

мы Права определяют его верховенство по отношению к принимаемым законам и практикам их применения, то диктатура закона основана на целесообразности его принятия органами власти и правопослушности граждан. Для правозащитника важны не только защита прав и законных интересов отдельных людей, но и социальная критика самих этих законов, общественный контроль за их выполнением, а также конструктивные предложения и меры общего характера «на месте» неправовых норм и практик.

Нетривиальная роль системы образования в контексте темы прав человека была отмечена **Павлом Кононенко**. Так, университеты не только ответственны за качество оказываемых ими «образовательных услуг». Молодые люди проводят в стенах университетов очень важные годы своего становления не только в профессиональном, но и в гражданском плане. Поэтому очень важно обеспечить их участие в гражданской жизни социума не только в качестве волонтеров, но и инициаторов новых эффективных институтов гражданского общества.

Александр Сунгуров согласился, что возможна девальвация института прав человека, превращающая уполномоченных по правам человека в имитационные структуры. Очень многое зависит от кадрового состава уполномоченных. Опыт многих из них никак не позволяет рассматривать их работу как синекуру. Наоборот, это очень трудоёмкая работа, нередко — в стрессовых ситуациях, требующая немало политического, административного и просто жизненного опыта, многое зависит от их правовой компетентности. При этом роль этой деятельности УПЧ нередко оказывается важной в плане выявления «лакун» в действующем законодательстве, неадекватности правоприменения, привлечения внимания медиа и общественности к этим вопросам. История знает немало примеров, когда широкая публичная дискуссия и специальные события создавали новую правовую ситуацию. Так, Нюрнбергский процесс над представителями фашистского режима состоялся во многом благодаря настоянию И. Сталина, имевшего опыт публичных политических процессов в СССР.

Татьяна Мерзлякова привела ряд примеров конкретной работы – своей и других УПЧ, согласилась с мнением участников дискуссии, что УПЧ, не располагая полномочиями административной власти, выполняют задачу социальной критики, привлечения внимания к острым вопросам и стимулирования усилий общественности и власти в оказании помощи пострадавшим в кризисных и чрезвычайных ситуациях.

Михаил Мизулин подчеркнул, что, с точки зрения прав человека, любая организация ограничивает свободу личности. И новые технологии дают всё новые и новые возможности такого ограничения, возложения на личность новых и новых форм ответственности, нарушая и деформируя баланс между свободой и ответственностью.

Как отметил **Даниил Коцюбинский**, основная коллизия, с которой сталкивается современный дискурс о правах человека, связана с проблемой конкретно-культурной интерпретации этих прав. Фактически, законными монополистами в этой сфере являются т.н. национальные государства, т.е. государства-члены ООН. Иными словами, абстрактно декларируемые права человека нигде не являются гарантированными сами по себе, но каждый раз получают ту или иную конкретную государственно-политическую интерпретацию. Даже государства, являющиеся устойчивыми либеральными демократиями, предлагают в некоторых важных аспектах разные версии данной интерпретации: так, во многих штатах США существует институт смертной казни, в то время как в европейских странах – нет.

Следует отметить также и то, что с течением времени в рамках одной и той же культурно-политической традиции может происходить значительная эволюция принципа соблюдения прав человека. В целом, данная ситуация оказывается чреватой тем, что в международной жизни догмат о приоритете прав человека часто оказывается инструментом Realpolitik, позволяющим одним государствам оправдывать дипломатическое и даже силовое давление на другие государства, что в конечном счёте оказывается чреватым войнами и массовым наруше-

нием прав человека (характерный пример – вторжение США и его союзников в Ирак в 2003 году). Особенно драматичной данная коллизия (между разными версиями интерпретации прав человека) оказывается в тех случаях, когда дело касается сообществ с разной гражданско-политической культурой, принудительно замкнутых в границах одного «национального государства». Следует напомнить, что подавляющее большинство существующих «национальных государств» изначально возникло не в результате свободного и консенсусного волеизъявления их граждан, а в результате либо распада, либо сохранения тех или иных пост-имперских государственных образований. Данная ситуация порождает тупиковые и по сути бесконечные конфликты между «сепаратистами» и «центральными правительствами», представляющими на деле, как правило, территориальные сообщества с различной гражданско-политической культурой и исторической памятью. Данные конфликты также сопровождаются массовым нарушением прав человека (ближайший пример – две российско-чеченские войны рубежа XX-XXI вв.). В основе тупиковости большинства данных коллизий лежит, как представляется, прежде всего, исходная внутренняя противоречивость Устава ООН, п. 1 которого декларирует право всех народов на самоопределение, а п. 2 – право уже существующих государств на территориальную целостность.

Как представляется, выходов из всех вышеописанных – как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических – тупиков, превращающих Декларацию прав человека в международном плане де-факто в фикцию, является включение её в документ более широкого и инклюзивного характера, позволяющий перевести дискурс о правах человека из абстрактно-правового в конкретно-политическую плоскость. Необходимо принятие декларации прав конкретных региональных сообществ, проживающих на той или иной территории и обладающих культурно-политической гомогенностью. Содержательной основой такой «Декларации прав регионов» могли бы стать следующие ключевые понятия: регион; региональный дом (регион как социокультурный феномен); региональная цивилизация; региона-

ция; региональный суверенитет; односторонняя региональная сецессия; рекурсивная региональная сецессия (позволяющая территориям отделяться от тех, которые только что отделились от государства-хозяина); ряд других. Конкретное определение и содержание каждого из этих базовых терминов должно стать предметом всестороннего обсуждения. Стоит особо подчеркнуть, что «Декларация прав регионов» отнюдь не перечёркивает «Декларацию прав человека». Напротив, она может дать ей новое, более реалистичное измерение, дать человечеству шанс на менее конфликтную модель развития, свободного от угрозы насильственных вмешательств в региональные цивилизации извне или из «центральных правительств», стать идейной и международно-правовой основой минимизации нарушений прав человека в современном мире, достижения глобальной гармонии.

Таким образом, дискуссия выявила несколько тем, важных, нетривиальных для понимания сущности и специфики теории и практики прав человека в современном обществе.

Во-первых, проблема прав человека не сводится к законодательству и практикам его применения. Сведение права к соблюдению законов (легизм) нежелательно и даже опасно для института прав человека, который задаёт принципы и контекст критики правовой культуры с позиций гуманизма и морали. Уполномоченные по правам человека и другие институты правозащиты выполняют роль социальной критики и экспертизы действующего законодательства и правоприменения, стимулируя поиски их развития, привлечения внимания власти и общества к необходимости таких поисков.

Во-вторых, легистская трактовка прав человека чревата сведением их ценностного значения к инструментальным трактовкам во внутренней политике отдельных государств, а также в международных отношениях.

В-третьих, в современном обществе, в связи с развитием цифровых технологий коммуникации, оперирования большими данными, формированием электронного правительства и т.п.,

возникает противоречие между правом личности на свободу слова (чреватым разрастанием фейковых новостей, постправды, практиками травли и буллинга) и правом личности на тайну личной жизни, защиту репутации.

В-четвёртых, специального внимания в практике пропаганды прав человека заслуживает баланс прав и ответственности (моральной и правовой).

Авторы и участники дискуссий

Александр Балаян,

кандидат политических наук, доцент НИУ Высшая Школа Экономики – Санкт-Петербург

Вячеслав Бахмин,

сопредседатель Московской Хельсинской группы

Лада Бурдачева,

ответственный секретарь Международной школы прав человека и гражданских действий, г. Воронеж

Александр Верховский,

директор Информационно-аналитического центра «Сова», член Совета при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека, г. Москва

Валентин Гефтер,

директор Института прав человека, г. Москва

Анна Гуринская,

кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Наталья Евдокимова,

ответственный секретарь Правозащитного совета Санкт-Петербурга, член Совета при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека

Лев Левинсон,

эксперт Института прав человека, г. Москва

Вероника Каткова,

правозащитник, г. Орел

Павел Кононенко,

кандидат политических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета

Даниил Коцюбинский,

кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета

Сергей Кривенко,

член правления Международного общества «Мемориал», г. Москва

Дмитрий Макаров,

сопредседатель Московской Хельсинской группы

Татьяна Мерзлякова,

Уполномоченный по правам человека в Свердловской области, член Совета при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека

Михаил Мизулин,

кандидат философских наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Москва

Олег Орлов,

член Совета правозащитного центра «Мемориал», г. Москва

Леонид Петрашис,

правозащитник, г. Волгодонск

Ольга Попова,

доктор политических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Ян Рачинский,

председатель правления Международного общества «Мемориал», г. Москва

Игорь Сажин,

председатель Коми «Мемориала», г. Сыктывкар

Александр Сунгуров,

доктор политических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент Гуманитарно-политологического центра «Стратегия», член Европейского Института омбудсманов, член Экспертного Совета при Уполномоченном по правам человека в Санкт-Петербурге

Григорий Тульчинский,

доктор философских наук, профессор НИУ Высшая Школа Экономики – Санкт-Петербург